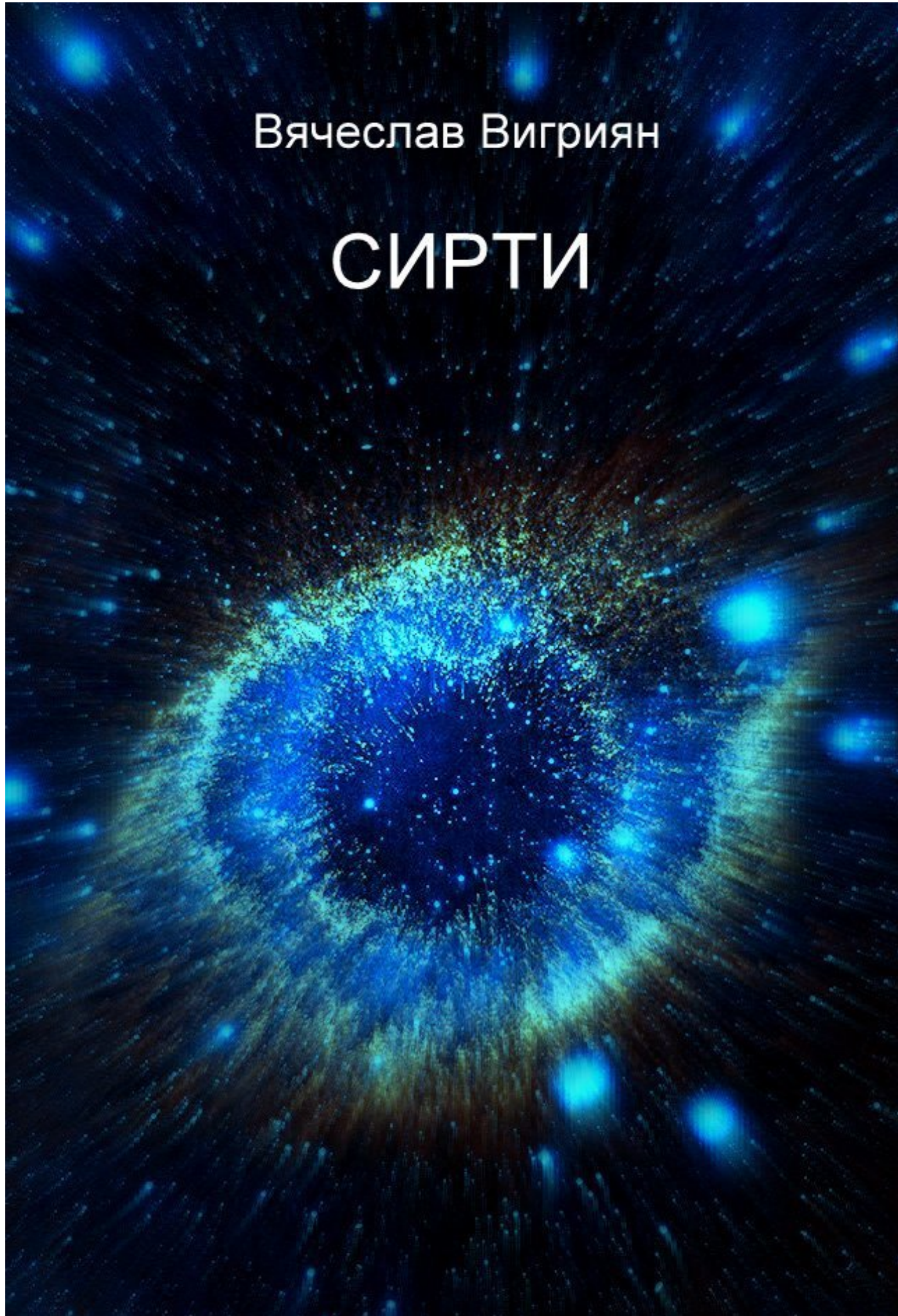

Вячеслав Вигриян

СИРТИ

Вячеслав Вигриян

СИРТИ

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Вигриян В.

СИРТИ / В. Вигриян — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Фантастический роман "Сирти" является второй книгой из серии "Перемещенный". Степан, крайне удрученный арестом Ньюры, решает дезертировать с места службы и отправляется на территорию, подконтрольную сиртям, ради того, чтобы найти, потрясшую его своими сверхчеловеческими способностями, ведунью Улушу, ведь только она, как ему кажется, сможет помочь спасти жену.

ГЛАВА 1

Улуша терпеливо ждала, когда же из норки высунется пытливая мордочка просвирки. Ждала долго. Солнце уже успело подняться высоко-высоко над редкими барашками облаков, а воздух стал настолько сухим, что высушивал губы. Время от времени, она позволяла себе их облизывать. Очень осторожно, потому что слух у просвирки был необычайно остр. Как, впрочем, и зрение. А может просвирка уснула? В норке прохладно и темно. С превеликим трудом Улуша заставила себя не воспользоваться дарованной Володарем силой. Нет уж, не в этот раз. Да и к чему торопиться? Разве не она сама, Улуша, решила скоротать время за охотой? Тем более, что времени более, чем достаточно. Володарь привел ее в это место три дня назад и кто знает, сколько суждено ей еще вот так бездействовать в то время, когда совсем рядом находится враг. В двух полетах стрелы. Окопался, укрылся в своем крысином лабиринте и ждет. Нет, надо подумать о чем-то хорошем. Например, о встреченных утром демонах в окрашенных под цвет полинялой листвы балахонах. Губы ее изогнулись в мстительной улыбке. Демонов было пятеро. Улуша останавливала их сердца одно за другим, а последнему – рыжеволосому веснушчатому борову с обвислыми щеточками усов, сплела вокруг шеи паутину смерти, и потом стягивала ее целую вечность, с ликованием глядя в выпученные, наполненные до краев предсмертным ужасом глаза жертвы. Поначалу он кричал. Истошно, дико. Кричал так, что был услышан даже по ту сторону Черты. Долго, очень долго в бессильной ярости демоны дырявили потом лес!!!

Улуша вновь улыбнулась, а на душе стало так светло, что даже захотелось петь. Но петь было нельзя, потому что там, в норе, сидела просвирка. Улуша непременно поймает ее, даже если для этого придется пролежать вот так, недвижимо, весь день. Внезапно лицо ее омрачилось. Она вспомнила Сероглазого. Демон встал перед ее глазами, как живой. Где он сейчас? Что с ним? Ясное дело где. Занимается небось своими черными делами!!! Улуша так сильно саданула кулаком по земле, что костяшки пальцев заныли, а из норы донесся испуганный посвист просвирки. Ну вот, теперь и об охоте придется забыть. Просвирка ни за что не высунется из норы. А всему виною Сероглазый! И тут не дает ей покоя. Терзает, бережит душу.

– О Всемогущий Володарь Животворящий! – Взмолилась Улуша и тотчас же получила ответ: оберег на ее груди ожил, запульсировал, обволакивая ее тело успокаивающим теплом. Володарь был с ней, рядом, а значит все будет хорошо. Он наполнит величайшим потаенным смыслом ее существование, поведет за собой туда, где вершится судьба этого израненного войной мира. Израненного, но не поставленного на колени, нет. Мир этот с высоко поднятой головой и глумливой улыбкой на устах уже который год встречает несметные полчища демонов.

Володарь что-то хотел от нее. Но что? Сейчас Улуша узнает. Она извлекла статуэтку из-за пазухи и, не снимая ее с шеи, взгляделась в ясные глаза Животворящего. Так и есть: глаза его метали молнии, призывая к немедленному действию. А еще в них явственно проскальзывала тревога. Тревога за нее, Улушу? Но почему? Ведь Улуша давным-давно готова к смерти и даже втихомолку желает ее.

– Куда теперь ведет моя дорога? – сняв с шеи оберег, она швырнула его наземь. Голова Володаря указывала на восток. Ну вот и все, закончилось томительное ожидание. Подхватив потрепанную котомку с нехитрым скарбом, повернулась напоследок к норе просвирки: – Повезло же тебе, черноногая! – улыбнулась и быстроногой ланью метнулась сквозь, казалось бы, непроходимые джунгли.

– Володарь, куда теперь ведет моя дорога? – повторила она вновь, когда почувствовала знакомое жжение в груди. Животворящий, по своему обыкновению, молчал. Ждал, когда же Улуша снимет с шеи его миниатюрное подобие и бросит наземь, как было многие и многие разы до этого. Улуша не стала обманывать его ожидание – вскоре статуэтка летела к земле головой вперед. Каким образом она умудрилась в полете перевернуться для того, чтобы завис-

нуть затем над самой поверхностью ногами вниз, ведомо лишь Ему одному – суровому, но справедливому властелину. Впрочем, Улушу это уже не удивляло: слишком много видела она в своей жизни чудес, и теперь они казались ей чем-то обыденным. Странное поведение амулета лишь слегка озадачило ее. Обычно Володарь просто ставил статуэтку наземь, когда хотел показать, что именно здесь, на этом самом месте, заканчивается Улушин путь и начинается работа, ради которой, по большому счету, она и появилась на свет. Властелин был обеспокоен. Очень обеспокоен. Его тревога передалась и Улуше. Еще бы – ведь они давно были одним целым, делили друг с другом радости и невзгоды. Так что же должно произойти? Улуша приготовилась к самому худшему. Припала к земле, затаилась за непроницаемым травяным ковром, внимательно вглядываясь по сторонам. Черта совсем рядом. Она физически ощущала ее. Уродливая, изрытая вдоль и поперек лабиринтами глубиной в человеческий рост. Лабиринты эти под завязку наполнены демонами. Исходящее от них зло настолько велико, что могучие лесные исполины отступили и теперь перед Чертой на многие-многие локти расстилается голая степь. Даже птицы – и те стараются облетать проклятое место стороной. Ничего. Никакого намека на движение. Зло терпеливо ждало, когда же Улуша потеряет, наконец, бдительность. Ждало, словно просvirка в норе. Пришедшее ей в голову сравнение, отчего-то развеселило Улушу. Она, Улуша, была на волоске от смерти столько раз, что и не счесть. Костлявая скорее сдохнет от старости, чем получит в лапы ее бездыханное тело!

Закат сначала окрасил багряным небо, затем на смену ему пришли звезды. Сколько их было на небосклоне? Когда-то в детстве Улуша пробовала пересчитать их, но сбивалась снова и снова. И так без конца. До тех пор, пока не поняла, что невозможно пересчитать то, что на самом деле является бесконечным.

Ночь принесла с собой долгожданную свежесть. Улуша с удовольствием вдыхала наполненный влагой воздух, не забывая при этом прислушиваться к происходящему вокруг. Вот где-то за ее спиной фыркнул веperь и степенно побрел по лесу, раздвигая ветви целым букетом острых, как пилы, рогов. Могучий зверь, старый. Не спится ему, потому и бродит неприкаянным спутником, распугивая более мелкое зверье. А это еще что? Какой-то новый звук доносится со стороны стыдливо укутанной непроницаемым одеялом тьмы Черты. Перезвон. А за ним, словно по волшебству, небо расцветает холодным белым огнем. Затем еще и еще раз. По максимуму напрягая и без того острое зрение, Улуша вглядывается в ту сторону и видит одинокую, уменьшенную расстоянием фигуру. Демон. Несется во весь опор, высоко задирая ноги, чтобы не попасть ненароком в ямину или коварно сокрытую в траве просvirью нору. Несется с такой немыслимой для демонов прытью, что Улуша даже засомневалась: а демон ли это? Заставила себя приглядеться более внимательно. Нет, несомненно, демон. Прет от него чужеродностью. До зубовного скрежета прет. Но почему тогда палки демонов заговорили, захлестали наперебой, силясь дотянуться до мелькающей перед ними спины? Грохот со стороны холма. Теперь уже демону точно не уйти. Демон наверняка понимает это так же отчетливо, как и Улуша. Но почему тогда он убегает? Почему не повернется к врагам для того, чтобы принять свою смерть с улыбкой на лице, как и подобает настоящему воину? Почему-то демон до сих пор еще жив. Заговоренный он, что ли? Козлом скачет себе через поле напрямик к тому месту, на котором обосновалась Улуша по указу Животворящего. Вот демон уже совсем близко, и Улуша даже может увидеть его лицо... Сероглазый!!! Будто ушатом холодной воды окатили Улушу! Словно почуяв ее, Сероглазый слегка поднимает голову, встречается с ней глазами и тотчас же падает, сраженный наповал ее красотой. Или всему виною пчелы из металла, которые так и вьются над его поверженным телом? Вот одна из пчел впивается в его широкую спину и Улуша понимает: еще минута промедления и Сероглазого будет уже не спасти. Срывается с места, словно стрела, пущенная из лука умелого охотника. Миг – и она уже у тела Сероглазого. Подхватывает тело за руки и волоком тащит его к спасительному лесу, благо небо на какой-то короткий промежуток времени вновь стало черным-черно. Сероглазый хрипит, натужно втя-

гивая в себя воздух. Вот и первые деревья. Улуша скрывается за широким стволом одного из них и только сейчас находит время для того, чтобы посмотреть в каком состоянии находится ноша. Плохо дело. Улуша нервничает, руки ее начинают непроизвольно трястись. На губах мятежного демона кровавая пена, дыхание затруднено, а затылок весь в крови. Только сейчас она заметила, что за спиной у него, по-прежнему, продолжает висеть хитроумно притороченная котомка. Разозлилась на себя не на шутку: это ж сколько лишнего веса пришлось тащить за собой по полю из-за собственной глупости. Нет, чтобы сразу срезать!

Демоны за чертой, наконец, уgomонились. Прошло совсем немного времени – и лес зажил своей обычной, обыденной жизнью. Словно и не было ничего. Живым напоминанием о ночном переполохе служил лишь Сероглазый, голова которого покоилась сейчас у нее на коленях. Демон умирал. Улуша чувствовала, как жизненные силы постепенно покидают его оболочку вместе с сочащейся из ран кровью. И душа ее почему-то умирала вместе с ним. Она поглаживала его волосы, потрясенная и совершенно сбита с толку. Что с ней происходит? Ведь это всего лишь демон, чужак, враг. По-хорошему, его надо бы уничтожить прямо сейчас – пережать пальцем жилку на шее, и смерть его будет не слишком мучительна.

Внезапно размышления ее были прерваны самым кардинальным образом: фигурка Животворящего буквально засветилась во мгле, освещая и Улушу, скорбно склонившуюся над телом демона, и самого потерпевшего, делая видимой каждую черточку его спокойного, умиротворенного лица. Володарь что-то хотел от нее, требовал действия. Какого? Ведь Улуша так устала. Разве он не видит, что Улуше хочется лечь на траву для того, чтобы больше никогда не встать? Тем не менее, она привычно послушалась: сжала вялой ладонью фигурку Животворящего, и тотчас же в ее голове заплескались образы. Вот она прикладывает амулет Володаря к ране на голове Сероглазого, и кровь немедленно перестает течь. Затем еще картинка: теперь уже амулет прикладывается к спине. Но перед этим она, Улуша, с ножом в руке вырезает маленький скользкий комочек, который застрял глубоко в ране и теперь наполняет легкие демона кровью, мешая ему дышать.

Демон все еще не приходил в сознание. Вконец опустошенная, Улуша бессильно опустилась наземь подле него, улеглась рядом и с облегчением позволила себе, наконец-то, прикрыть воспаленные от усталости глаза. Она сделала все, как велел ей Володарь и теперь осталось лишь уповать на то, чтобы все ее старания не прошли даром.

Как и было обещано Животворящим, кровь и правда перестала сочиться со всех ран, края их сомкнулись, и теперь лишь багровые рубцы указывали на те места, в которые совсем недавно вонзались железные пчелы. Почему же Сероглазый упорно не хочет проснуться от своего сна? Или душа его уже находится в таком далеком месте, из которого нет возврата? А может быть он устал? Устал, как и она, Улуша, и сейчас отдыхает? Как жаль, что она совершенно не разбирается в демонах. А теперь пора спать. Завтра будет новый день, и кто знает, какие сюрпризы он готов ей преподнести. А точнее – ИМ, – поправила сама себя Улуша, и внутри у нее почему-то стало очень тепло.

* * *

Демоны шли широкой цепью, и сколько их было в этой цепи – не перечесать. Улуша попробовала, конечно, но пальцы на руках и ногах у нее быстро закончились, а мешочек со счетными камнями куда-то запропастился. Бросила быстрый взгляд на Сероглазого – тот спал сладко и почти не хрипел. Уже хорошо. Будет жить Сероглазый, точно будет. Даже щеки порозовели, и лицо его уже не кажется словно вылепленным из воска. А вот такое количество демонов – это плохо, очень плохо. Она не сможет долго держать на себе мару, не сможет и убить всех демонов. Тем более, что мару придется держать для них обоих: ее и... Скосила глаза на сладко посапывающего великана, доверчиво прильнувшего к ее плечу. Причмокивает во сне, будто

младенец! Уж его-то совсем не беспокоит то, что может произойти с ними очень скоро. Как скоро? Да как только цепочка исчадий Ада приблизится к лесу! А у нее, Улуши, хватит внутренних сил разве что на мелкие шалости. И Володарь, как назло, молчал. Где он бродит там, в каких мирах? Улушу впервые обуяла на него злость. Раньше она не задумывалась о том, что будет с ней дальше, а теперь у нее неожиданно-негаданно появилась веская причина для того, чтобы жить. Жить – и оберегать этого большого ребенка. Мысли ее завертелись, так и этак рассматривая ситуацию под различным углом. Допустим, демоны приблизятся к лесу, увидят Улушу с Сероглазым, удовольствуются ли они одной жертвой? Или мирно спящего Сероглазого постигнет та же участь, что и ее? Убьют. Никаких сомнений в этом нет. Демоны почему-то вчера сильно желали убить своего соплеменника. Настолько сильно, что сегодня даже решили прийти и проверить: а мертв ли он? А если, допустим, спрятаться? Улуша сможет набросать сверху них веток и, если понадобится, сделать мару. Пусть ненадолго, но, тем не менее, вполне возможно, что благодаря этому, им удастся спастись. Мысль показалась ей достаточно разумной для того, чтобы иметь право на жизнь. Можно, конечно, скрыть под ветками одного Сероглазого, а самой привлечь внимание демонов и отвести их куда подальше, но нет, так дело дальше не пойдет – Сероглазый может застонать во сне, или просто пошевелиться в самый неподходящий момент. Да и вместе смерть принимать куда лучше, чем в одиночку. Решено: Улуша спрячет их обоих. Вот только времени мало. Засуетилась, заметалась, срезая ветви. Случайно нога ее попала в неглубокую ложбинку. Небольшую, но вполне достаточную для того, чтобы послужить неплохим укрытием. Не мешкая, подхватила за ноги Сероглазого и затолкала его первым. Теперь ее очередь. Веток бы еще нарезать, да демоны уже совсем близко. Смертью от них несет и разложением. Даже если бы у Улуши нос был завязан тугим узлом – все равно она бы учуяла этот отвратительный запах, спутать который невозможно ни с чем. Пристроила на себя последнюю ветку и сжалась, стараясь казаться как можно меньше. Идут? Точно, идут. Слышится с той стороны их равномерная поступь да характерное поскрипывание: обувь так ихняя скрипеть имеет обыкновение. Воображение Улуши нарисовало демонов настолько явно, словно были они сейчас прямо перед ее взором. Идут нога в ногу, лики их не выражают ничего или почти ничего. Одежда цвета пиклушьего помета, рукава рубах закатаны по самые локти. В руках короткие тупорылые палки из металла, которые по желанию своих хозяев могут принести либо быструю, либо мучительную смерть. Адские отродья совсем близко, Улуша вынуждена брезгливо сморщить нос. Но почему так не воняет от ЕЕ демона? Мимолетно позволила себе улыбнуться: а что, теперь у нее есть свой демон. Свой собственный. Взяла за руку Сероглазого, мысленно слилась с ним и замерла, впитывая каждой частичкой своего тела земное тепло. Затем представила себе, что растворяется, растекается по земле тонким молочным туманом, ветер подхватывает этот туман и уносит далеко-далеко. Туда, где взгляды демонов его ни за что не достанут. Мара получилась что надо. Словно откуда-то со стороны наблюдала Улуша, как цепь из демонов втягивается в лес все глубже, минует их хлипкое укрытие и продолжает движение дальше. Безмолвно и все тем же размеренным шагом. Вот и все – теперь нужно возвращаться. Потому что силы истекают с каждым ударом сердца все быстрее и быстрее, их уже практически не осталось – тех сил.

Больше демоны не возвращались, и Улуша была им очень благодарна за это. К утру следующего дня она могла уже двигаться дальше. Сделала волокушу из твердых, как камень, ветвей камшита, привязала к ней грузное тело демона, который до сих пор так и не пришел в сознание, и медленно побрела через лес. И тащиться бы Улуше к нему целую вечность, да, видимо, Володарь сжалился-таки над ней – ниспослал навстречу воинов Веперя, очаги племени которого находились сравнительно недалеко. Побурчав для порядка (виданное ли дело – тащить на своем горбу калечного демона, да еще не куда-нибудь, а в родимое стойбище!) они, тем не менее, согласились. Да и как бы им было не согласиться? Посвященную в Улуше они признали сразу, а рискнуть навлечь на себя гнев ведуньи может разве что слабоумный. Зырк-

нет этак своими громадными желтыми глазищами, а наутро пронесет так, что успевай только портки менять. Или того хуже: порчу на причандалы наведет. Кто знает, сколько им суждено потом будет болтаться между ног бессильным вялым клептом из сморщенной плоти? На смех девкам, да перечницам старым на потеху. Так что если уж так нужен этой желтоглазой бестии живой демон для каких то своих потаенных обрядов – так они это за милую душу ей и предоставят. А потом еще и спасибо скажут, и поклонятся в пояс. А уж ежели она надумает демона в жертву принести при всем честном народе, глядишь – старейшины празднество сподобятся организовать. Веселуха...

В стойбище входили торжественно. С эскортом из галдящей детворы, провожаемые любопытными бабьими взглядами. Даже воины – и те украдкой косились на их странную поклажу. Вопреки ожиданиям, посвященная повела процессию не к дому старейшины, а прямо к травнице Варваре. Заставила уложить демона на полати, а потом зыркнула на своих провожатых так, что всем, от мала до велика, стало понятно: пришло время уносить ноги. В шатре теперь кроме Улуши да калечного демона осталась только сама травница – моложавая поджарая девка таких впечатляющих габаритов, которым бы позавидовал любой воин. Сейчас она стояла чуть поодаль, угрожающе выпятив вперед мясистые полукружья груди и исподлобья наблюдала за тем, как Улуша, словно наседка, хлопочет над телом отвратительной злобной твари, которая, по счастью, находилась в данный момент без сознания. Наконец, губы Варвары раздвинулись: – Совсем рехнулась? – голос у нее был грубый, мужицкий. Словно и не девка вовсе: – Ты чего это за срань ко мне в дом притащила?

– Не видишь что ли? Демон это! – огрызнулась Улуша, приспособивая между делом под голову Сероглазого дорогушую шкуру жаберника, доставшуюся в свое время по наследству Варваре, лишь Володарю ведомо от какого прапрапрадеда.

– Видеть-то я вижу. Я спрашиваю какого... – тут Варвара выдала такую тираду, что, будь перед нею не Улуша, а какой-то иной, менее подготовленный слушатель, уши бы его непременно свернулись пожухлыми стручками. А то и вовсе отвалились.

Надо было что-то делать. Причем немедленно. Лицо Варвары покраснелось. Щеки, будучи и от природы не обделенными роскошным румянцем, теперь приобрели ярко выраженный синюшный оттенок. Убедившись, что все сделано как надо, Улуша скользнула в последний раз взглядом по умиротворенному лицу Сероглазого и повернулась к травнице. Задумалась: как бы все происходящее посподручнее объяснить подруге? Наконец начала, медленно подбирая слова:

– Понимаешь, Варюш, этот демон и не демон вовсе.

Варвара, казалось, не слышала. Губы ее все также продолжали выплевывать проклятья, глаза – так те и вовсе стали чумными – словно опять налилась травница своего знаменитого грибного отвара. Нет, так дело не пойдет! Улуша подошла и с силой встряхнула ее за плечи.

– Свят-свят-свят, избави меня от нечистого, о Володарь Всемиловитый, Животворящий!!!

Встряхнула еще раз. Кажется, подействовало. Глаза подруги стали более осмысленными.

– Ты меня слушаешь? Демон – не демон вовсе!

– Как не демон? – поток ругательств вперемешку с молитвами прервался. – А кто же он тогда?

– Ну ты сама посмотри.

– А чего на него смотреть? Демон то – он демон и есть. И воняет от него...

Тем не менее, Варвара подошла, ведомая твердой рукой Улуши. Наклонилась над лицом Сероглазого, приподняла двумя пальцами веко и некоторое время изучала его мутный, застывший в пугающей неподвижности, зрачок.

– Нет, демон, – вынесла она наконец свой вердикт. – С каких это пор ты меня, подруга, за дуру держишь?

– Ну хорошо, демон,– вынуждена была согласиться Улуша.– Но непростой.

– Да хоть золотой! Признавайся, зачем эту дрянь ко мне домой притащила? Со свету сжить хочешь?

– Так, ладно, давай по порядку начнем. Садись.

Едва ли не силком усадив травницу на колченогий табурет, жалобно скрипнувший под ее внушительным весом, Улуша примостилась на полатах в ногах Сероглазого и неторопливо начала свое повествование. Для затравки рассказала о самой первой встрече с демоном. О том, как вознамерилась его убить и почти что привела свой план в исполнение, да тут неожиданно-негаданно вмешался сам Животворящий и мало того что не допустил смертоубийства презренного адского отродья, так еще и заставил ее, Улушу, долгое время быть подле демона, охраняя его никчемную, трижды проклятую Володарем жизнь. Тут Улуша озадаченно примолкла. Какое-то несоответствие крылось в только что сказанных ею словах, и сейчас она отчаянно пыталась понять: какое же? Так ничего и не надумав, продолжила свой рассказ. Искося глянула на Варвару: глаза травницы горели, она то и дело вскакивала со стула.

– Дальше, дальше-то что было?

Пришлось рассказать все, без утайки. Смакуя наиболее интересные подробности, она вынуждена была их рассказывать по два, а то и по три раза по просьбе своей донельзя перевозбужденной слушательницы. Историю про буревого и про то, как демон кручинился, потеряв одного из своих прислужников, Варвара выслушала с особым вниманием. Недоверчиво уставилась на Улушу:

– Неужто так все и было?

– Так-так. Самим Володарем Всемиловитым Животворящим клянусь.

– Ишь ты, чудеса.

Почему-то в своем воображении травница ну никак не могла представить себе плачущего демона. От боли – возможно. В умелых руках они и не так воют, ежели знать, конечно, к каким местам каленое железо прикладывать. Или, допустим, если шкуру им заживо снимешь, начиная от живота и до самого подбородка, а потом на голову натянешь да еще и завяжешь сверху как следует, чтобы они, значиться, в собственной вонии и задохнулись. Ох и ор же тогда стоит – душа радуется!!! Но чтобы вот так, с горя слезу пустить – нет уж, увольте. Такое лишь человеку истинному дано, а не бездушному исчадию Ада.

Закончила Улуша свой рассказ уже когда солнце, угостив напоследок последними сполохами света, уступило свое место на небосклоне матери-ночи.

– Погоди, ты же говорила, что он и в спину ранен?

– Да.

– Сейчас я тогда голову посмотрю и на живот потом поможешь его перевернуть.

Улуша молча кивнула. Глаза ее до краев наполнились тревогой. Какой приговор вынесет Сероглазому Варвара? Будет он жить, или все ее старания оказались напрасны?

– О Всемогуций Володарь Животворящий! – жарко взмолилась она ссохшимися от волнения губами. – Помоги, не дай свершиться непоправимому!

Володарь молчал. Лишь легкое, едва ощутимое покалывание в области груди в том месте, где оберег касался ее кожи, словно говорило: я здесь, я рядом. Все будет, как будет.

– Плохое место,– Варвара, поглаживая неровный багровый рубец на спине Сероглазого, даже и не пыталась скрыть перед подругой свою озабоченность.

– Почему? Я же сделала все как надо. Да и Животворящий почти сразу же затянул рану!

– Плохое место,– еще раз со значением повторила травница.– Слишком близко к хребту.

– И что?

– Ног под собою демон не будет чують – вот что!

– Уверена?

– Ну это уж как Бог ниспошлет. Володаря проси. А я, в свою очередь, сделаю все, что от меня зависит.

Новость эта поразила Улушу в самое сердце. Как так? Демон, такой сильный, не боящийся никого и ничего в этом мире, и вдруг проснется калечным? Как она в глаза ему будет смотреть?

– Ты ТОЧНО уверена? – голос у Улуши был очень тих. Глаза же ее с такой мольбою смотрели сейчас на Варвару, что та не нашла ничего лучшего, кроме как соврать. Пожалуй, впервые за все время их знакомства:

– Нет, не уверена. Это я так, к слову пришлось. Вспомнила просто, как приносили вояку одного из соседнего стойбища. Правда, хребтина у того была вся разворочена.

– Ну так то ж хребтина... А у нашего между хребтиной и шрамом целых два пальца прокласть можно. Тоже мне – сравнила.

Обрадованная, Улуша вновь перевернула своего драгоценного демона на спину, бережно укутала в шкуру, склонилась напоследок к груди, проверяя все ли еще бьется в ней его могучее черное сердце, а потом возьми да и кинься на Варвару! Облапила, поцеловала подругу так крепко, что та даже зарделась от смущения.

– Ну ты мне это, брось, брось, негоже. На мужиков лучше б так кидалась. Чай не девочка уже, – тут взгляд Варвары случайно упал на демона, мирно посапывающего на полатях, и в глазах ее тотчас же промелькнула искра понимания. Тем не менее, вида не подала – ухмыльнулась лишь, головою качнула не без легкой укоризны, да и пошла себе на стол накрывать. Чем Бог послал, как говорится.

А Бог, между прочим, послал целую уйму всякой всячины. Ела Улуша с удовольствием. Все подряд, что под руку попадется, обходя своим вниманием лишь вяленую да сушеную клещевину – с ее походной жизнью та уже успела порядочно набить оскомину. Приложились и к знаменитому на всю округу грибному отвару. Первый тост за Володаря, как водится. Выпили, захрустели свежей востриной корой. Задумались: каждая о своем, потаенном. Затем, не стовариваясь, махнули еще по одной, на этот раз уже без тоста.

– Ты мне вот что скажи, – принялась вновь за свое Улуша. – Жить-то он точно будет?

– Да точно, точно, – кряхтя, Варвара поднялась со своего места и заходилась хозяйствовать у очага: дровишек в костер подкинула, казан выбрала помельче – чтоб в аккурат на одну порцию пробудного зелья хватило. – Под утро зенки твой демон как расплющит – сразу же супом его и накорми. И больше ничего, поняла?

– Поняла, как не понять? А если не расплющит?

– А я говорю – расплющи, – в кипящую воду полетели толченые корневища жнетыша, соцветия трочка и никалии. Вдогонку им плюхнулась целая головка паучьего штибрица (и где только умудрилась достать?).

Улуша смотрела на приготовления травницы широко раскрытыми глазами. Магия Варвары была не сродни ее собственной, а совершенно иная и оттого казалась гораздо более притягательной.

– Ну вот, – через некоторое время травница зачерпнула из казана ложку янтарно-коричневой жидкости и поднесла ее к носу. Сморщилась жутко брезгливо, всем лицом, как умела делать только она одна. – Готово. Голову ему подними и рот пошире открой – сейчас поить будем.

Зубы у демона – отдельный разговор. Белые-белые, и все, как один, целые. Ну как такое возможно? Улуша не понимала. Да и Варвара, откровенно говоря, тоже. Это ж что получается? Жрет демон, а зубы у него не изнашиваются? Или выпадают, когда приходят в негодность, а вместо них вырастают новые?

– А давай-ка вырвем один! – нашлась наконец Варвара. – Вон тот, крайний. Демон наверняка проснется и даже не заметит.

– Ни за что! – категорически воспротивилась Улуша. Вот будет когда у тебя свой демон, так тогда и рви. А моего не трожь!

– Ну, как знаешь.

Варево влили в демона все, до последней капли. После процедуры Улуша прикрыла ему рот как можно плотнее, втайне опасаясь, что не устоит перед соблазном подруга – выдернет-таки зуб Сероглазому. А ведь его потом обратно не приклеишь!

Демона их переживания, похоже, волновали мало: спит себе и спит. Крепко, как убитый. А может оно и к лучшему, может пора и о себе подумать. Улуша только сейчас поняла, насколько же сильно она устала. Глаза ее просто слипались, а в теле, казалось, не осталось ни единой мышцы, которая бы не молила о том, чтобы ее оставили наконец в покое. Варвара, словно почуяв плачевное состояние гостьи, времени даром не теряла: взбила солому на полатах, как следует, своим пудовым кулачищем, извлекла откуда-то из недр схрона мягкую шелковистую шкуру (сейчас Улуша уже и не могла сказать точно – какую) и, подхватив на руки почти невесомое, по ее меркам, тело подруги, осторожно опустила его на приготовленное ложе. Глаза Улуши были уже закрыты. Она лишь свернулась поудобнее калачиком да так и затихла.

Растерянно покачивая головой, Варвара вернулась к столу и грузно осела на табурет. Недрогнувшей рукою налила себе новую чарку, полную, до краев, и тотчас же, не откладывая на потом, ее выпила. Отчего-то вдруг подумалось: да, действительно изменились времена, коль уж у нее дома, живьем, на ее полатах, вальяжно раскинулся самый, что ни на есть, настоящий демон.

* * *

Что-то душило Улушу. Большое, мускулистое, оно кольцами обвивало ее тело, с каждым мгновением все сильнее и сильнее сжимая свои смертоносные объятья. Великий Болотный Змий. Ну конечно же, это он, это его морда нависла сейчас над ее лицом, а из зловонной разверзнутой пасти высовывается отвратительный, черный как смоль, длинный раздвоенный язык. Сейчас он сожрет Улушу – в этом никаких сомнений нет. Сожрет. Кольцо сжимается все туже. Вываться? Но как, это практически невозможно. Никто и никогда не уходил от Змия живьем – иначе Улуша давным-давно бы знала об этом из сказаний, которые передаются из поколения в поколение от отца к сыну, от матери к дочери. Сожрет. Если она, Улуша, не вспомнит, кто она есть на самом деле и насколько велика ее с Володарем сила. Нечеловеческим усилием воли ей удалось-таки сдернуть черную пелену морока из своих глаз, и сейчас она лежала мокрая, испуганная, тщетно силящаяся понять на каком она находится свете: на том, или уже на этом. Постепенно знание приходило к ней. Полати. Она лежит на полатах. А рядом с нею, в обнимку, лежит Варвара. Это ее тяжелая рука обвивает талию Улуши с такой силой, что едва ли не трещат кости. Вот она, причина нелепых ночных кошмаров!

Раздосадованная сама на себя за то, что позволила страху забраться так глубоко, Улуша вскочила и быстро привела себя в порядок: расчесала волосы костяным гребнем, тщательно умылась холодной водой и только потом вдруг вспомнила, что в доме они с Варварой были не одни. Демон, как он там? Проснулся ли? Обернулась, почуяв чей-то изучающий взгляд и сразу же встретила с парой внимательных серых глаз. Почему-то смутилась. Поправила и без того ладно сидящее на ней платье и застыла, не зная куда девать руки.

А потом демон заговорил. Слова, что лились сейчас из его рта, были непонятными, зато интонация, с которой он их произносил, не оставляла никакого повода для сомнений: гневался демон. За что, интересно? За то, что с того света его вытащили? Или, может, еще в чем провинились они с Варварой, сами того не ведая? Гневаться в ответ у Улуши почему-то не вышло. Подошла, попробовала губами лоб – холодный в кои-то веки – и заходила у очага. Надо было

разогреть суп. Сероглазый потерял слишком много крови, а значит слаб сейчас, как младенец. Может оттого и гневается?

Разозленный, что на его болтовню никто не обращает внимания, демон заорал пуще прежнего и даже сбросил с себя шкуры. И тотчас же, словно по волшебству, крики его затихли. Ну что там опять? Природная любознательность взяла наконец верх, и Улуша все-таки обернулась. Сероглазый молчал, вперившись взглядом в пальцы собственных ног. Лицо его при этом застыло маской такого непритворного ужаса, что Улушу даже оторопь взяла. Духа он там увидел что ли? Но ведь всем известно, что духи пращуров никогда не приносят вреда живым. Или может быть с демонами дело обстоит как раз в точности наоборот? А теперь что происходит? Руки демона зашарили вокруг себя, словно искали чего-то и никак не могли найти.

– Иглу ему дай.

– Зачем иглу? Какую иглу? – сама не своя от какого-то неприятного, нехорошего предчувствия, Улуша обернулась к полатам, на которых сидела, свесив босые ноги, Варвара. Та, похоже, давно уже не спала и сейчас внимательно наблюдала за демоном.

– Иглу ему дай, кому говорят! – снова повторила она.

На этот раз Улуша не посмела послушаться. Бегом метнулась к своей переметной суме и вскоре вернулась, неся на раскрытой ладони длинную тонкую иглу из рыбьей кости. Преподнесла ее Сероглазому. Демон раздумывал какое-то время, затем, явно колеблясь, принял иглу из ее рук, как-то внезапно резко наклонился и молча вонзил ее в палец левой ноги. Затем еще, еще и еще раз. С каждым разом лицо его становилось все темнее.

– Что с ним? – Улуша умоляющими глазами уставилась на Варвару.

– Ног под собой не чувствует.

– Но как же? Ты ведь говорила...

– Говорила: рана близко к хребту. Да только ты и слушать не хотела.

– А вылечить его как-то можно?

– Не знаю. Володаря своего спроси.

Володаря... Как его спросишь то коли он не отвечает? Занят Володарь. Дела у него какие-то свои, высшие, лишь ему одному ведомые. Улуша настолько расстроилась, что даже не сразу заметила старейшину Сергия, что стоял у раскрытого полога и деликатно покашливал в кулак. Косился: то на Варвару, то на демона. По очереди. Ну почему на Варвару он косился то понятно – приглянулась она ему еще давным-давно, еще в то время как оба прыщавыми подростками бегали. Приглянуться-то приглянулась, но на любовь его великую отвечать пока не спешила, и на то, надо сказать, была у нее достаточно веская причина. В другое время Улуша мысленно непременно бы посмеялась, сопоставив эту нелепую пару. Старейшину Сергия – хлипкого, низкорослого, извечно нахохлившегося, как болотная выпь, и Варвару – деваху хоть куда: озорную, задиристую, да еще и с такими «сурьезными» габаритами, что одним своим видом она запросто могла упокоить самого свирепого веперя. Вот и сейчас, когда Сергей, повинувшись приглашающему жесту Варвары, заставил-таки себя переступить за полог шатра и стать прямо супротив ее воинственно выпяченных вперед могучих грудей, зрелище получилось настолько комичным, что даже демон, позабыв на какое-то время о собственном горе, разразился таким громким лающим смехом, что поневоле вздрогнули все, включая и саму Улушу. А затем на их лицах тоже появились широкие улыбки. Еще миг – и они смеялись уже вторя демону: громко, неистово и почти так же безумно. Всеобщему веселью не поддался лишь сам старейшина Сергей. Ему почему-то навязчиво казалось что именно он является виновником происходящего действия.

– Ты бы... успокоила... припадочного своего... Варвара, – улучив момент, вставил он наконец в перерывах между взрывами воистину демонического хохота. – Дело к тебе есть.

– Какое дело? – отсмеявшись, Варвара обессилено осела на полатах.

– Сурьезное. Народ волнуется. Видано ли – демон настоящий у травницы их гостует. Живой до сих пор. Суть улавливаешь?

– Ну живой, и что? Живой – и дальше жить будет!

– Что значит будет? Да тты, вообще, в своем уме? – от волнения Сергей даже заикаться начал. – Сегодня у тебя он гостует, завтра глядишь, к другому кому зайвится, к Величу например. А у того дети малые! Нет, так дело не пойдет. В общем, изымаю я твоего демона. Временно. Костяк или пепел от него обещаюсь вернуть.

– Какой костяк? Какой пепел? Демона не отдам! – категорично отрезала Варвара и добавила уже мягче: – Ног он под собой не чувствует, Сергей. Его же давеча свои едва не порешили. Если б Володарь вовремя Улушу на выручку не прислал – гнить бы демону в сырой земле.

Известие о том, что демон оказался калечным, отчего-то успокоило Сергея. Тем не менее, голос его все еще сохранял в себе строгость – как и полагается отягощенному всяческими заботами воину и мужу. А может быть виною смены настроения старейшины послужило упомянутое вскользь высказывание Варвары о вмешательстве Животворящего. Ежели Володарю для каких-то своих целей демон нужен был живьем, то не о чем было и спорить. Животворящий достаточно милосердный владыка, но милосердный ровно до тех пор, пока ты делаешь все так, как ему самому надобно. А пошел наперекор Его воле – тогда уж будь добр, не серчай. Получишь сполна и даже более того, чтобы другим, идущим за тобой, неповадно было.

– Калечный говоришь? – Сергей рискнул-таки подойти поближе к демону, обошел его со всех сторон.

Тот, казалось, никак не отреагировал – лишь рука правая напряглась, словно сжимая несуществующее оружие.

– Калечный. Шрам у него на спине видишь?

Против наличия шрама возражать Сергей не стал. Тот выделялся на бледной коже демона достаточно явно – зримое напоминание о том, что даже исчадия Ада вполне себе смертны.

– Ладно, схожу, успокою народ. Но на тебе, Варвара, вся ответственность отныне за отродье это лежать будет. Сожрет кого, или просто замордует – не посмотрю, что ты мне... – буркнув напоследок что-то невразумительное, старейшина резко крутанулся на носках и вышел, не потрудившись даже задернуть полог.

Варвара посмотрела на Улушу с видом победительницы. Радость у нее однако быстро угасла.

– А скажи-ка мне подруга: зброя у демона с собой была?

– И зброя, и котомка тоже. Выбросила по дороге. Во-первых – тяжело нести. Во-вторых, сама понимаешь, воинов чтоб не смущали – от одного вида темной зброи они кого угодно на куски разорвать могут.

Травница удовлетворенно кивнула:

– Ну вот и славно. А то знаешь, мало ли что у него на уме...

Покосилась на демона. Тот к разговору их прислушивался очень внимательно. Как знать, может и понимает чего? Только это, конечно, навряд ли.

* * *

Степан, прикрыв глаза, с облегчением облокотился наконец спиной о шероховатую стену шатра и теперь напряженно думал под аккомпанемент то ли разговора, то ли перебранки двух женских голосов. Один из них, несомненно, принадлежал Улуше. Второй – бегемотоподобному мастодонту, которого и женщиной-то назвать можно с натяжкой. Нет, не то чтобы она была страшна как смертный грех – скорее наоборот. Красива по-своему, если можно так выразиться. Красива той особой, но крайне нестандартной красотой, воспетой в свое время в амазонках. А, впрочем, какая разница? Мозг его то и дело увивал, переключался с одного на

другое, упрямо не желая принять в себя, переосмыслить тот факт, что теперь он, в сущности, является не кем иным как калекой. КАЛЕКОЙ. Калекой с большой буквы. Бесплезным куском мяса с недееспособными нижними конечностями. Ни на что не годным полутрупом. И зачем только Улуша «спасла» его? Зачем? Разве не лучше было бы лежать уткнувшись мордой в землю, постепенно истекая при этом кровью? Нюра... Перед глазами Степана встал образ любимой с такой четкостью, с такой убийственной ясностью, что впору было волком выть. Бежать, бежать к той, которая непоколебимо уверена, что ты ее обязательно спасешь. Придумаешь, изобретешь все что угодно – лишь бы быть рядом с ней, вдыхать запах ее волос, чувствовать ее тепло... Бежать, бежать, бежать, бежать со всех ног!!! Да только где ж теперь возьмешь их, эти ноги? Хотя нет – вот они. Две штуки. Хоть руби их, хоть пили – все равно ничего не почувствуешь. Ну почему такое дерьмо случилось именно сейчас, именно с ним?

– Степан, – до его слуха донесся звук собственного имени. Улуша. Не забыла. Помнит его еще со времен той первой встречи. Открыл глаза. Посмотрел на сиртю с искренним непониманием: ну чего ей сейчас от него надо? Почему нельзя оставить человека в покое, когда ему так хреново? Она протягивала в его сторону глиняную плошку с каким-то варевом. Жрать? Нет уж, дудки. Он лучше от голода сдохнет!

– Степан!

Плошка подсунута к самому носу. Суп. Мясным от него чем-то вест, приправами. Как в детстве, когда болел, мать обязательно варила такой. Покосился на Улушу. Упрямство и суровая непреклонность в глазах. Глаза истинной сирти. Вдохнул, выпил одним махом, вытер жирные губы тыльной стороной ладони. Только сейчас понял, что, сморчок, явно прихоривший по его душу, изгнан вон и, похоже, с позором. Отстояли его. Это видно по счастливому лицу Терминаторши – именно так окрестил Степан подругу Улуши. Отстояли его – и что толку? Или может все не так уж плохо? Бывали ведь случаи, когда люди вставали на ноги даже после тяжелых травм позвоночника. Не без помощи хороших и чертовски высокооплачиваемых докторов, естественно. Но чем тебе эти две сирти не врачи? Пулю вытащили, рану полностью заживили, используя Бог знает что за чудо-технологии. И между прочим – совершенно бесплатно. Дармовым супом вон даже накормили. Сунул руку за спину, провел пальцами по поверхности шва. Удивительно. Никаких воспалительных процессов, никаких нагноений. А то, что ноги не ходят – так это потому, что пуля, наверняка, вошла не прямо, а под углом, в опасной близости от хребта и вытащить ее, не задев при этом нервных окончаний, могли разве что в клинике нейрохирургии, и то под вопросом. Нет, девочки сделали все, что могли. Теперь дело за ним, Степаном. Главное жить дальше, не раскисать. И верить, верить, верить!

Кажется, полегчало. Глянул на мир уже живыми глазами. Критически оценил обстановку: не люкс конечно, далеко не люкс. Даже на общажные апартаменты не тянет. Шатер, правда, довольно большой, если сравнивать с теми, на которые он уже успел вдоволь насмотреться еще во время рейдов со своей группой по диким, как ему тогда казалось, поселениям сиртей. Непростая видать подруга у Улуши – вес в обществе имеет. А то, что кроме очага посреди шатра, неказистого квадратного стола да пары кроватей крайне сомнительной конструкции внутри больше и нет почти ничего – так это так и надо. У всех так – будь то вождь или простой воин.

Стоп. А теперь о главном стоит подумать. Мысль, только что осенившая Степана, оказалась настолько дельной, что даже душа радовалась. Ай да он, ай да молодец! Ноги ходить упрямо не желают. Так? Так, в этом мы уже имели возможность неоднократно убедиться. А как насчет того, чтобы сделать себе другие? Какие вспомогательные средства в аналогичной ситуации поступают в распоряжение пострадавших из его мира? Правильно, костыли. И инвалидные коляски. О последних, естественно, можно сразу же и забыть – не имеется у него необходимых технологических навыков для того, чтобы соорудить подобное приспособление. Да и инструмента нужного, наверняка, тоже нет. А вот, что касается костылей – тут дело обстоит

совсем иначе. Конструкция костылей настолько проста и функциональна, что не меняется уже в течении многих лет. И из инструментов надо всего ничего – хотя бы вон тот нож, который держит сейчас в руках Улуша, занятая разделкой тушки какого-то местного грызуна. Но как бы объяснить приютившим его подругам, что конкретно ему от них нужно?

Подозвал сиртю, знаками показал на нож. Та сделала поначалу большие глаза, пропела что-то мелодичное на своем языке с явно вопросительной интонацией. Степан развел руками: не понимаю мол и все. Словно бы сомневаясь, Улуша, тем не менее, протянула ему искомый предмет лезвием вперед и теперь ждала что же он с ним будет делать. Лицо ее выглядело испуганным – словно опасалась что Степан прямо сейчас возьмет да и вонзит нож себе в сердце. Дуреха. Невдомек ей, видите ли, что теперь так просто этому гребаному миру от него не избавиться. Он будет жить – и точка. Жить до тех пор, пока Советская Империя Рейха не ляжет в руинах, а последний ее воин не умрет самой мучительной смертью, какую только способно будет представить себе его богатое воображение. За себя, за Нью. Как Степан этого добьется он еще не знал, но почему-то был уверен на все сто процентов что именно так все и будет. Так – и никак иначе. Потому что так должно быть. Божок этого мира не зря перенес его сюда и Степан нутром чуял что цели их обоих совпадают сейчас с точностью до миллиметра.

– Дерево – древак, – вот и пригодились ему уроки, которые он брал у Улуши, казалось, целую вечность назад. – Древак мне нужен вот такой, – развел руки в стороны как можно шире. – Поняла?

Ну как тут не понять? Понадобился болезному древак – так пусть берет. Чем бы дитя не тешилось...

Кликнув Терминаторшу, Улуша быстро и доходчиво объяснила ей, что именно Степану от них надо. Та, побурчав для приличия да одарив напоследок просителя парой гортанных слов явно нецензурного содержания, тем не менее, подчинилась, и вскоре обе исчезли за пологом шатра. Вернулись не скоро: минут сорок ему пришлось пялиться на потолок, полностью завешенный пучками высушенных трав, коры, клубней, сморщенных корневищ каких-то растений вперемешку с ингредиентами явно животного происхождения. Как вот эта голова хищника, например, с острыми кисточками ушей. Небольшая. Величиной с хороший грецкий орех. Но сколько люти, сколько агрессии в этой оскаленной приплюснутой морде словами и не передать. Нет таких слов, не изобрели пока.

Грохот падающих на пол бревен заставил Степана отвлечься от созерцания потолочной коллекции и недаром: зрелище было то еще. Терминаторша не поскупилась – притащила на своих могучих плечах целых два бревна диаметром сантиметров по двадцать пять каждое. Длина же их была как раз в аккурат по длине кровати Степана. Такие вот дела. Зато ему повезло с Улушей. От природы будучи тонкой кости, она, к счастью, просто физически не могла поднять такую тяжесть, а потому принесла целую охапку более мелких по диаметру даже не стволов – ветвей с желтоватой корой от неизвестной пока еще Степану породы дерева. Уж они-то как раз прекрасно подходили для его задумки. Длинные, легкие, прямые как стрела, они к тому же были еще и очень прочными. Согнуть такое или сломать – дело непростое. Ему, по крайней мере, подвиг такой не удался. Попробовал укоротить одну из веток ножом и потерпел полное фиаско. Что за дела? На дереве следа от надреза нет, зато на лезвии ножа появилась заметная зазубрина. Неожиданно ему на помощь пришла Улуша. Улыбаясь во весь рот, она реквизировала у Степана и ветвь, и само орудие, которым он пытался ее покорить. А потом перед его глазами свершилось настоящее чудо – девушка просто некоторое время подержала ветвь под пламенем в очаге, а затем, словно фокусник, играючи согнула ее вдвое, причем ветвь при этом даже и не подумала переломиться. Бросила лукавый взгляд на ошалевшего от увиденного Степана, смешливо сморщила нос и, подержав над огнем еще чуток, принялась выделывать с несчастной палкой такие выкрутасы, словно та была, как минимум, резиновая. Напоследок связала ее замысловатым бантиком и положила на пол, строго-настрого запретив прикасаться

к ней некоторое время. Степан послушался. К собственному удивлению, он начинал понимать понемногу и Терминаторшу, и саму Улушу. Язык жестов у сиртей был достаточно прост. А вот касаясь разговорного языка – тут дело пока что заходило в тупик. Язык необходим был ему как воздух. Полноценное общение и взаимопонимание – вот что он Степану мог дать. А в таком как у него положении это уже немало. Придется, придется учить, и никуда от этого не деться. Как зубрил в свое время английский, вечная ему память.

Хотел уже пойти на боковую (потеря крови все-таки давала о себе знать), но Улуша вновь привлекла его внимание. А, ну да, понятно. Остыла та самая палка, которую она совсем недавно завязала бантиком. Взял ее в руки, потужился так-сяк для начала, а затем уже и в полную силу приложился. Выставляя себя слабаком перед слабым полом отчаянно не хотелось. Каждую его попытку обуздать непокорную деревяшку девушки встречали новыми взрывами хохота, а когда сил смеяться у них уже не было, Улуша вновь забрала у Степана палку, подержала ее над огнем, а потом, чуть погодя, привела ее в первоначальное положение. Спустя некоторое время он вновь держал в руках ровную прямую ветвь, которую тоже было уже не согнуть. Странные свойства загадочной древесины не сколько удивили, сколько обрадовали Степана. Задача его теперь упрощалась до минимума. Из такого материала делать что-либо – одно удовольствие. И инструментов никаких не надо. Неясно только каким образом Улуша смогла отделить ветви от ствола, но с этим он разберется как-нибудь в другой раз, а пока будет использовать палки той длины, которая ему подходит.

Теперь настала очередь Степана удивлять спасших его друзей. Когда он, встав с постели, с важным видом продефилировал взад-вперед по шатру, девушки просто обалдели. А затем, когда Степан еще раз прошелся на бис, так даже чутки стали подвывать от восторга. Невелика, конечно, победа, но в тот момент она неслабо окрылила Степана. Самое главное – теперь он не был привязан к койке, он мог действовать. Не как полноценный человек, не как воин, но это было уже нечто. Это было начало. Начало его нового пути.

До Степана только сейчас стало доходить сколько же переполоха наделало его появление в стойбище сиртей. Полог шатра теперь не закрывался – сюда то и дело заходили все новые и новые люди. Преимущественно это были женщины всех возрастов. Иногда они приводили с собой детей, но при этом крепко держали их за руку, готовые в любой момент стать грудью на защиту своих любимых чад. Все хотели поглядеть на пришельца: хотя бы мельком, хотя бы одним глазком, и поводы для этого находили самые разные. Чаще всего эти поводы касались непосредственно самого занятия Терминаторши. Терминаторша, а точнее Варвара, как Степан понял из быстрого скомканного знакомства, закончившегося крепким мужским рукопожатием, оказалась травницей и лекаршей в одном лице и сейчас дел у нее было просто неуправляемо. Улуша тоже не сидела сложа руки – чем могла помогала подруге. Варила зелья под ее чутким руководством, бегала как пчелка от колодца и обратно с парой деревянных ведер, укрепленных на длинной изогнутой дуге с закрученными кверху краями, которую надо было нести на плечах, следила за огнем в очаге, чтобы тот, не дай Бог, не погас, иначе зелье будет непоправимо испорчено. Один лишь Степан сидел истуканом на кровати, играя роль то музейного экспоната, то дикого зверя в заштатном зверинце, в которого охотнее до утех посетители разве что не тыкали палкой. Сейчас, в этот момент, он ощутил себя именно зверем, когда какая-то ушлая бабенка, не удовлетворившись игрой в гляделки, принялась по хозяйски ощупывать его бицепсы. Оскалил зубы, рыкнул коротко и грозно. Мол: смотреть – смотри, а руками не трогай. Та взвизгнула и отскочила, едва не сбив при этом с ног еще одну посетительницу, точно такую же как и она, заслужив тем самым хохот и улюлюканье окружающих.

Сирти оказались незлобивым и смешливым народом, но Степана это почему-то начинало уже раздражать. Чтобы хоть как-то отвлечься от своих невеселых мыслей, он вновь встал на костыли и принялся помогать по хозяйству Улуше, стараясь абстрагироваться от окружаю-

щих по максимуму. Работа досталась ему достаточно простая – толочь в ступке ингредиенты, которые Улуша подавала ему с завидной скоростью.

Поток клиентов поредел лишь ближе к обеду, а затем и вовсе иссяк, когда Варвара с решительным видом задернула перед очередной страждущей полог. Вытерла обильный пот со лба и обессилено опустилась наземь, прислонившись спиной к массивной деревянной чурке, служившей для разделявания дичи. Не лучше выглядела и Улуша: мокрая с головы до пят, с повлажневшими желтыми глазами, в уголках которых затаилась усталость, она сейчас была похожа на загнанную косулю.

Какое-то время сидели каждый на своем месте, наслаждаясь покоем. Затем Варвара сходила в дальний угол шатра, принесла оттуда большой кусок вяленого мяса и, разрезав его на три равные части, позвала всех к столу. Степан, едва вонзив в него зубы, сразу же понял, что это было за мясо. Клещевина. Очень вкусное, питательное, имеющее лишь один серьезный недостаток: твари, которые, в сущности, пошли на него, слишком уж сильно напоминали земных клещей. Увеличенных до размеров коровы, разжиревших и уродливых до крайней степени. Сейчас ему однако было все равно. Он ел свою порцию с удовольствием, чувствуя, что своим трудом заслужил ее.

А затем пришло время дележки. Чаще всего клиенты оплачивали услуги Варвары мелкими серебряными кругляшами, по диаметру слегка уступающими даже десятикопеечной монете. Иногда платили половинками таких монет, а то и несколькими четвертушками. В некоторых случаях платили золотом (монета по размерам была точно такой же, что и серебряная) и тогда травница давала сдачу: горсть серебряных половинок вперемешку с четвертушками. По какой системе проводится взаиморасчет, сколько стоит золотая монета по эквиваленту серебра, являлось для Степана пока что тайной за семью печатями. Все монеты были выложены на стол, тщательно пересчитаны и поделены на три равных части. Степан, польщенный что его помощь оценена так высоко, отказываться от своей доли выручки не стал. Деньги – они деньги и есть. В любом мире. Функция их по определению всегда одна: наделять своего владельца относительной свободой, неким чувством уверенности в завтрашнем дне.

Сейчас монеты весело позвякивали у Степана в кармане, и лишь одна из них – золотая, все еще оставалась у него на ладони. Он внимательно рассматривал ее, вертел так и этак, тщетно силясь обнаружить на ней следы чеканки. Ни-че-го. Гладкая, с неровными краями, она была отполирована до блеска сотнями, а то и тысячами рук своих бывших владельцев и выглядела достаточно древней. Точно так же дело обстояло и со всеми прочими монетами. Куски металла, ничего более. Отсюда напрашивался вывод: по номиналу монеты из одноименного металла одинаковы. А что касается четвертушек и половинок – так это и вовсе элементарно. И думать нечего. Распили такую монету на четыре части – вот тебе и четыре четвертушки. Просто, как все гениальное. Знать бы еще где их потратить... А, впрочем, известное дело где. Все поселения сиртей устроены идентично, разница лишь в величине. Следовательно, наверняка где-то найдется центральная площадь, а какую-то часть ее всенепременно занимает небольшой, но бойкий базарчик. Плюс еще лавки ремесленников, мясные лавки. Выйти чтоли да посмотреть, что и как?

Сунул золотую монету в карман, знаками показал Улуше с Варварой, что мол ходики он отсюда сделает, причем прямо сейчас. Для надежности еще и повторил вслух:

– Ходики, ходики! – чтобы, значит, поняли его как полагается.

Улуша запротестовала было, руками даже замахала, но Варвара быстро поставила подругу на место. Нечего птенцу в гнезде сидеть, пора и на мир глянуть, раз уж потребность таковая имеется. Стал на костыли, рубаху расправил. Откинул полог шатра и крепко зажмурился. На дворе день-деньской, солнце палит немилосердно. И эта жара... В шатре она отчего-то чувствовалась меньше. С какой стати – непонятно. Из шкур шатер. Может, пропитывают их чем-то? Как знать. Когда глаза привыкли к свету, не спеша побрел по натопанной тропке,

что змеилась, обминая шатры да зловонные мусорные кучи, которых попадалось на его пути более чем достаточно. Отсюда сделал неизбежный вывод: поселение уже достаточно старое, а значит, наверняка, в скором времени племя вынуждено будет перекочевать на новое место. Туда, где пастбища нетронуты, а местность не загажена продуктами жизнедеятельности самого нечистоплотного из всех хищников – человека.

На неторопливо бредущего Степана обращали внимание все, без исключения. Смотрели кто хмуро, кто с любопытством. Впрочем, такая популярность была вполне ожидаема. Шутка ли? Чужак, настоящий. Из плоти и крови. Ходит по их земле со вполне безмятежным видом. Словно бы так и надо, словно так всегда было. Руки самых горячих тянулись к оружию и застывали, как будто парализованные, под его безразличным взглядом. Нельзя. Этого калечного демона нельзя убить невозбранно, ибо под защитой он самого Животворящего. Над ним простерта Его незримая длань.

Всего этого Степан не знал. Не знал, но зато чувствовал каждым атомом своего тела, что, не будь он сейчас на костылях, не будь он калекой, и сиртей не остановило бы ничто. Расправа непременно последовала бы, не могла не последовать. Еще можно как-то выдержать присутствие чужака, не представляющего реальной угрозы, но когда твою землю попирают ноги здорового, вполне боеспособного врага, нет такой силы, которая в состоянии предотвратить твой праведный гнев. Так может, стоит возблагодарить судьбу за то, что она выкинула с ним такой финт? Нет, не дождется. При случае, он обязательно вспомнит ей это и судьба обязана будет расплатиться по счетам сполна. А счета немалые между прочим. Лицо Степана никоим образом не выдавало обуревавших его чувств. Наоборот: с каждым новым полным ненависти взглядом оно становилось все более и более отрешенным, холодным.

Рынок оказался совсем неподалеку. Как и ожидалось – на площади, как раз напротив шатра старейшин. Чего там только не было! Степан даже духом воспрял, а настроение, со скрипом сдвинувшись с нулевой отметки, подскочило по самое некуда. Добрую половину рынка занимали продукты. Начиная от мяса всех сортов, рыбы и заканчивая таким обилием экзотических фруктов и овощей, которых ему сроду не приходилось видеть ни в одном супермаркете.

Чья-то ладонь коснулась его плеча. Степан дернулся от неожиданности и повернулся назад с той резвостью, на которую был только способен в своем теперешнем положении. Улуша. Стоит, улыбается чуть виновато. В глазах ожидание: прогонит или нет? Он прекрасно понимал ее. Беспокоится сиртя, переживает за своего подопечного. Что ж, может оно и к лучшему. Поводырь ему сейчас ой как нужен. Да и веселее вместе, как бы то ни было. Сочащиеся неприкрытой ненавистью взгляды окружающих, как себя не настраивал, тем не менее с каждой минутой, проведенной вне стен гостеприимного шатра травницы, напрягали все больше и больше. Потому и улыбнулся в ответ, галантный полупоклон изобразил даже, и повел свою спутницу между рядами. Шел медленно, стараясь ничего не упустить. То и дело останавливался возле той или иной вещи, и тогда Улуша начинала весело щебетать, поясняя на своем певучем языке ее предназначение. Всерьез удивляло Степана обилие разнообразной пищи. Как же так? Фридрих Подольский, куратор его группы, утверждал в свое время весьма однозначно: в пищу сирти употребляют лишь мясо своих одомашненных клещей и больше ничего. Совсем ничего, поскольку мясо это содержит все необходимые для нормального функционирования их организмов питательные вещества. Что это, как не имперская пропаганда? И зачем?

Все посторонние мысли выветрились из головы Степана, когда он увидел высокую пирамиду, выложенную из самых, что ни на есть, настоящих яблок. Небольшие, с зеленой кожурой, выглядели они не то чтобы аппетитно, скорее просто сработал стереотип и желание купить за свои кровно заработанные что-либо, что хотя бы отчасти напоминало о доме. Торговала ими бойкая бабенка с засаленной русой косой, сплетенной так туго, что, казалось, вернуть волосам первоначальное, природное положение будет теперь не в состоянии ни один гребень. Выбрал с десяток яблок, знаками показал, что был бы не прочь упаковать свое приобретение в любую

приемлемую тару и после небольшой заминки получил плетеную корзину. Заплатил парой четвертушек (этого оказалось вполне достаточно) и, донельзя довольный своей первой удачно повернутой в мире сиртей сделкой, гордо прошествовал дальше. Улуша, воочию увидев, что Степан чувствует себя в условиях рыночной экономики как рыба в воде, умчалась куда-то со встреченной ею только что подругой – косоглазой до безобразия, но довольно миловидной девчушкой лет этак двадцати – двадцати двух. Степан же, пройдя буквально несколько шагов, остановился у прилавка с местной бижутерией, причем остановка эта была скорее вынужденной, нежели необходимой. Корзина, с виду такая практичная, на поверку оказалась не ахти какой удобной тарой в его положении. Передвигаться на костылях, да еще при этом держа корзину за ребристую ручку толщиной в два пальца, ежеминутно рискуя вывалить на пол все ее содержимое при любом неловком движении – удовольствие далеко не из разряда приятных. Пакет или авоська в данном случае были бы гораздо более уместны. Вытер пот со лба, критическим взглядом окинул поделки, аккуратно разложенные на выцветшей потянутой тряпке неопределенной расцветки. Ожерелья из разноцветных камней, частично обработанных, частично просто подобранных по размеру. Все сделано крайне топорно, словно руками умственно отсталого либо ребенка. Ручные браслеты – деревянные, вскрытые каким-то подобием лака. С незатейливой резьбой, а то и вовсе гладкие. Повертел в руках одно из ожерелий, втайне надеясь, что может хотя бы камни на нем окажутся драгоценными. Ничего подобного. Таких вот гладких окатышей на берегу любой речки хоть пруд пруди. Галька – она галька и есть, и заставлять своих женщин носить на себе такое убожество, в его понимании, являлось самым, что ни на есть, настоящим преступлением.

Тем не менее, среди всей этой шушвали было и еще кое-что. Браслет. Ножной. Серебряный. Гравировка на нем выполнена рукой настоящего мастера. Работа настолько филигранная, что сразу же напрашивается вывод о принадлежности данного произведения искусства к иной, более развитой в технологическом смысле цивилизации. Браслет был очень стар. Насколько – так с лету и не определишь. Для этого необходимо быть экспертом и иметь в своем распоряжении соответствующее оборудование. Шикарная вещь. Степан, как замороженный, вертел его в руках, то силясь прочесть надпись на неизвестном языке, что змеилась вслед за прихотливым узором, то нажимал пальцем на основании хитроумной застежки и тогда браслет раскрывался с тихим щелчком. Выпускать вещицу из своих рук ну никак не хотелось.

– Сколько? – спросил он наконец продавца, тщетно силясь убрать из своего голоса нотки крайней заинтересованности.

Его, как ни странно, поняли, ответив, правда, нечто невразумительное на своем языке. Тогда Степан извлек из кармана все, что в нем было и, не чинясь, высыпал на тряпицу прямо поверх валяющихся на ней безделушек. Браслет при этом из рук он так и не выпустил и сейчас цепким взглядом следил за старой каргой, которая пересчитывала его состояние. Та то и дело сбивалась, начинала считать вновь, шамкая и шевеля высохшими бесцветными губами, ввалившимися в глубокий провал щербатого безобразного рта. Наконец она удовлетворенно кивнула и даже вернула Степана сдачу – шесть четвертушек. Вот и все, что осталось от его наверняка немалого по местным меркам утреннего заработка. Тем не менее, он был доволен. Очень доволен. Степан уже знал кому достанется этот браслет и достанется вполне заслуженно. Достанется он той, которая спасала его от неминуемой смерти не единожды, и неизвестно сколько еще раз ей суждено будет это сделать. Он отошел от прилавка, не забыв прихватить свою корзину с яблоками. Браслет в нее он положить не рискнул, а просто сунул его в карман. Ближе к телу, чтобы ощущать приятную тяжесть покупки.

Степан не успел сделать и пары шагов, когда почувствовал сильнейший толчок в спину и грузно плюхнулся наземь лицом вниз, приложившись так крепко к ней подбородком, что едва не заорал от режущей боли. С трудом заставил себя повернуть голову ради того, чтобы встретиться глазами с ощерившимся в глумливой полуулыбке рослым воином. Рядом с ним

стояли еще двое – дружки ухмылялись точно так же, как и их предводитель, откровенно наслаждаясь тем, что открывалось сейчас их взорам: безвольный калека, широко раскинувший руки словно птица. Его костыли-крылья разлетелись в стороны, а из перевернутой корзины высыпались яблоки – все до единого, и сейчас валяются, где попало. Одно из них только что воин демонстративно раздавил ногой.

Встать. Костыли совсем близко. До ближайшего можно дотянуться пальцем. Бросил быстрый взгляд на сиртей. Те ничего не предпринимали, уверены в себе до крайней степени. Это хорошо, это правильно. Второй костыль оказался чуть дальше и когда Степан, изгибаясь словно гусеница, пополз к нему, слышались смешки. Поначалу смеялся кто-то один, буквально через мгновение ему вторили уже все остальные, причем смешков было гораздо больше, чем самих воинов. Смеялись все кто был рядом, и кому посчастливилось наблюдать воочию эту потешную картину. Вражина с забитым землей ртом корячится, ползет к своей палке. Ни на что не способное, бессильное ничтожество, которое можно раздавить сейчас так же легко, как и то яблоко, что вывалилось из его корзины.

Пальцы Степана сомкнулись на втором костыле. Так, а вот теперь пора. Главное подняться, не делая резких движений и выглядеть при этом настолько униженно, чтобы никому из них не пришло в голову вновь толкнуть его наземь. Встать. Встать и подойти к троице как можно ближе, благо они стоят совсем рядом друг возле друга. Перенес вес на левый костыль, ударил резко и коротко сомкнутыми костяшками пальцев правой руки в кадык главарю и тот тотчас же захрипел, оседая на землю. Второй сирть рыпнулся на выручку товарищу, рыпнулся очень удачно, сокращая дистанцию до минимума. Ему досталась «медвежья лапа» – удар тыльной стороной ладони снизу вверх, в основание носа. Успел заметить брызнувшую из ноздрей этой падали кровь и сразу же упал как подкошенный – это третий воин опомнился, наконец, и сообразил подсесть его несущий костыль. Не успел еще Степан коснуться спиной земли, а воин уже сидел на нем сверху и долбил по черепу кулаками с такой методичностью, которой позавидовал бы бывалый боксер. Бил мощно, словно кувалдой. Некоторые из его ударов Степану удавалось блокировать, но та часть, что попадала по цели, заставляла его сознание «плыть». О контратаке нечего было и думать – он сосредоточился на обороне, стараясь перекрыть руками как можно большую площадь. От одного из таких ударов в носу что-то хрустнуло, и мозг взорвался такой дикой вспышкой боли, что в глазах на какое-то время стало темно. Что-то неладно было и с челюстью. Сейчас его больше всего волновало, уцелели ли зубы. Стоматологов-то нет. Нет стоматологов. Мысль эта билась подобно приливной волне, и, хотя тело его казалось бы напрочь перестало подчиняться, руки сами возвращались в нужную позицию, не давая воину нанести решающий удар, после которого рот Степана превратился бы в точную копию щерба того рта старухи, только что продавшей ему браслет.

Постепенно ливень ударов почему-то пошел на убыль, а затем и вовсе сошел на нет. Желая, во что бы то ни стало, выяснить причину происшедшей метаморфозы, Степан заставил-таки себя разлепить наименее пострадавший, как ему казалось, глаз и был вознагражден видом побуревшего, перекосившегося от боли лица нападавшего. Сиртя задыхался. Задыхался, как в свое время задыхался Степан. Ну конечно, Улуша. Несомненно это ее проделки.

Так оно и оказалось. Воин исчез из поля зрения, сбитый мощным ударом ноги, а на его месте тут же появилось встревоженное лицо его желтоглазого ангела-хранителя.

– Живой я, живой, – в подтверждение своих слов он выдал из себя ободряющую улыбку, но так как улыбаться было слишком больно, то она быстро угасла, а за улыбкой угасло и сознание Степана.

* * *

Когда Улуша затащила в шатер грузное тело демона и с трудом взгромоздила его на полати, Варвара грешным делом подумала, что душа болезного отлетела наконец-таки от его брэнной оболочки и сейчас была уже на полпути к подземным чертогам Темного Властелина. Впрочем, Улуша быстро разубедила ее в обратном, и сейчас они вместе хлопотали над пострадавшим. На лице Сероглазого, похоже, не осталось ни единого живого места, оба глаза заплыли, а нос наверняка был сломан. Варвара вправила его одним четко выверенным движением кисти и заходилась делать холодные примочки. Улуша же суежилась скорее бестолково, нежели с пользой: то руку демону поправит, то к груди притулится, с тревогой вслушиваясь в биение его черного сердца. Да что с ней такое, в самом деле? Словно подменили подругу, завсегда такую собранную, целеустремленную. Наконец не выдержала, гаркнула:

– Да уймись ты наконец!

Улуша же, казалось, и не заметила ее грозного окрика:

– С Сероглазым все будет хорошо? Он точно поправится?

– Да поправится он, поправится твой Сероглазый.

– А глаза его видеть будут?

– И глаза видеть будут. От хорошего мордобоя еще никто не умирал.

– А нос?

– Так, все, хватит, – оторвавшись от своего занятия, Варвара приблизилась к Улуше и сильно встряхнула ее за плечи. Затем, сама не зная почему, крепко обняла, прижала к себе покрепче, и вдруг с нескрываемым удивлением ощутила, как подруга вздрагивает, щедро роняя из своих глаз непрошенную влагу. Потрясение Варвары было настолько велико, что она застыла даже, совершенно не зная, что делать дальше.

– Ну ты это, успокойся. Чего уж там. Выживет твой демон. А потом глядишь – и ногами своими ходить начнет, – нашла она наконец слова утешения, но Улуша разрыдалась еще пуще прежнего, чем окончательно сбила Варвару с толку.

Неожиданно, положение спас вездесущий староста Сергей, что ужом проскользнул за полог шатра. Стоило ему лишь негромко кашлянуть в кулак, как стенания Улуши тотчас же прервались, а слезы высохли, словно и не было их. Никогда на людях Улуша не покажет своего горя, даже если сердце ее разбито, а душа просится прочь из тела – лишь бы не видеть страданий невесты откуда свалившегося ей на голову мятежного демона!

Варвара решила пойти в наступление первой и вновь по своей привычке вплотную приблизилась к старосте. Подбоченилась, наставила на того свои пышные груди сосками вперед – словно неведомое, но невероятно грозное по силе оружие. Знала наверняка: Сергей непременно смутится, вновь начнет нести всякую ахинею и тогда с ним можно будет делать все, что вздумается. Так и случилось. Весь воинственный вид Сергея при виде ее ухищрений куда-то разом испарился, а сам он словно бы сдулся, скрючился, с каждым мгновением все более и более напоминая высохший от полуденного зноя сморчок.

– Ты что-то хотел? – голос Варвары был тих и даже ласков, отчего Сергей смутился еще больше.

– Да демон ваш там набедокурил. Ты бы следила за ним, Варвара, а то неровен час наши соберутся да и вздрючат его по первое число, чтобы мало не показалось.

– А что, не вздрючили еще? – Варвара кивком указала на демона, и староста, завидев устрашающе синюшный лик одного, ощутил вдруг, что ноги под ним внезапно стали подкашиваться.

– Так ведь за дело, за дело же! – зачастил он, не отрывая испуганного взгляда от ее грудей, словно те и впрямь могли выстрелить. – На базаре демона толкнули слегка, вот он и осерчал, двоих моих лучших воинов положил, едва на тот свет не отправил. Если бы не третий, Калина, кто знает, чем вообще дело кончилось бы!

– И никакое там не слегка! – голос Улуши прозвучал так звонко, что и староста, и сама Варвара от неожиданности даже вздрогнули.– Лекич, Кулибеды отрок, был там от начала до конца и все видел. Демона наземь сбили, а потом стояли и ржали над ним, как кони!

Столь серьезное заявление, да еще и из уст ведуньи, заставило Сергия измениться в лице. По всему видно было, что староста настоящей правды не знал, а те кто докладывал – приврали изрядно, чтобы своих обелить, а демона, наоборот, зверем выставить. Он то, дурак старый, взял и поверил! Да еще и к Варваре на разборки явиться изволил! Теперь от смущения Сергия ничего не осталось. Перед ними сейчас стоял муж, воин, на плечах которого издавна лежало тяжкое бремя ответственности за весь род Веперя.

– Вот значит как дело было? Хорошо же... – сказал, и больше ни слова не говоря, крутанулся и вышел вон.

Варвара с Улушей обрадовано переглянулись. Обе знали, что теперь Калине с друзьями от заслуженной расплаты не уйти. Суров был староста, и законы чтит свято. А то, что временами перегибал палку – так это даже хорошо. Лишний повод для того, чтобы стать истинным праведником, если не хочешь, чтобы шкура на спине твоей превратилась в ошметки под не ведающей пощады палаческой плетью.

Занятые каждая своими мыслями, они не сразу заметили, что левый глаз демона уже открыт и теперь смотрит на них внимательно и даже слегка иронично.

– Улуша.

От звуков собственного имени, исторгнутых ртом Сероглазого, девушка опешила слегка, а затем лицо ее озарилось такой искренней радостью, что даже демон нашел в себе силы улыбнуться. Подозвал к себе, руку зачем-то погладил, а потом, покопавшись чуток, взял да и извлек откуда-то из брючины настоящий ножник. Сунул его в ладонь Улуши, тем самым давая понять, что отдает ножник ей.

О Всемиловитый Володарь Животворящий! Сероглазый делает ей предложение!!! Делает прямо сейчас! Отныне Улуша навек будет принадлежать ему, а он будет принадлежать ей. Целиком и полностью, весь!!!

– Ты видела это? – губы Улуши едва шевелились.– Видела?

Варвара ответить вслух не смогла. Кивнула просто, не отводя взгляда от подношения. Сейчас все происходящее казалось ей сном, и она отчаянно желала проснуться. Калечный демон и вправду сделал то, что сделал, в этом сомнений нет. Вот ножник, лежит на ладони ее подруги. Его можно потрогать, можно поднести поближе к глазам, чтобы убедиться, что он действительно существует. Можно даже взять в руку ради того, чтобы ощутить его вес. Пожалуй, Варвара сделает это сейчас, ибо когда Улуша решится надеть его на левую ногу – то навсегда станет принадлежать Сероглазому и ножник можно будет снять только тогда, когда дотронется до ее чела костлявая длань матушки-смерти.

Несомненно, вещь была дорогая и очень древняя. А еще она не была холодной – успела уже напитаться теплом Улушиних рук. Варвара держала ножник с осторожностью. Едва касаясь, провела пальцем по прихотливому узору. Почему-то сейчас она испытывала зависть и стыд одновременно. Затем к этим чувствам добавилась злость. На себя саму. Ведь она должна радоваться счастью подруги, радоваться всем сердцем. Потому что такое событие случается раз в жизни. Всего лишь раз.

– Наденешь его? – впрочем, Варвара могла бы и не спрашивать, по виду Улуши и так все было ясно и понятно. Наденет, непременно наденет. Даром, что демон калечный, даром, что морда у него сейчас синюшная, как у утопленника. Таким только детей пугать, если уж откровенно.

– Подумать бы надо. Дело-то не шутейное,– проговорила Улуша со всей серьезностью, на какую только была способна, глаза же ее при этом смеялись.– Вот сейчас пойду – и подумаю!!!

Сказала – и птицей выпорхнула из шатра. Не прошло, однако, и пяти минут, как Улуша вернулась. Горделиво расправив плечи, подошла к полатам, на которых возлежал Сероглазый, и стала перед ним так, чтобы он мог видеть ее левую ногу. Ножник пришелся ей как раз впору. Матово поблескивая на загорелой голени девушки, он казался живым и смотрелся настолько великолепно, что Варвара вновь испытала укол острой зависти. «Выйти чтоли за Сергия?» – мелькнула шальная мысль, но она привычно отогнала ее, воочию представив перед собой тщедушного старосту-сморчка с извечно слюнявыми губами. А больше претендентов-то и не было! Зависть схлынула, сменилась щемящей жалостью к себе.

Сероглазый же наоборот был очень доволен, насколько это конечно вообще возможно для демона. Улыбался во весь рот, несмотря на то, что ему явно было больно, бормотал на своем языке что-то невразумительное. Радовался, в общем. Ни Варвара, ни Улуша не поняли из его речи ни слова. Тем не менее, бросились накрывать на стол. Доставали все что есть, все что Володарь послал. Не поскупилась Варвара и на грибной отвар – извлекла из схрона всю бадью целиком. А чего пошло жалеть-то коли повод есть? И повод, между прочим, немалый!

Демон во всеобщей суете участия не принимал ровно до тех пор, пока не узрел в руках Варвары эту самую бадью. Узрев же, тотчас вскочил и заковылял к столу на палицах своих с такой прытью, словно и не болело у него ничего, словно и не он давеча был бит смертным боем.

Событие отметили как полагается: ели все без разбору, опустевшие кружки наполняли снова, танцевали, пели, причем в какой-то момент похоже даже стали понимать речи друг друга. Улуша, не стыдясь, несколько раз целовала демона на виду у Варвары, отчего тот при своем-то синюшном цвете лица умудрялся даже краснеть. Гуляли долго, до тех пор пока головы не стали чугунными, а за пологом их шатра не вступила в свои законные права матушка-ночь.

* * *

Ушибы уже не болели. Точнее – не то, чтобы совсем, но, тем не менее, опухоль спала, челюстью можно было шевелить вполне сносно. Беспокоило сейчас Степана нечто совершенно иное: доверчиво прильнувшее к нему сзади теплое девичье тело. Улуша. Степан слегка приподнял край шкуры и с содроганием увидел, что девушка абсолютно нагая. Что было вчера? Как она оказалась в его постели? Память-бунтарка выдавала лишь редкие фрагменты: вот он благодарит Улушу за то, что та вновь спасла его от неминуемой смерти, дарит ей браслет. Сирте, кстати, браслет очень нравится, она тут же одевает его на ногу. Или не одевает? Приподнял шкуру еще раз сугубо для того, чтобы убедиться, что память ему не изменяет. На месте браслет. Там, где ему и положено быть. Так, дальше они празднуют толи его спасение, толи «обмывают» подарок. И все. Воспоминания на этом обрываются, и сколько ни долбись о невидимую преграду – ни за что не узнаешь то, что на самом деле является для тебя жизненно важным. Было у него что-то с сиртей или нет? Девушка голая, но он то, к счастью, одет. Или это ни о чем не говорит? Все, хватит. Разгадку ему сама подскажет Улуша, когда проснется. Своим поведением, естественно. Общаться то они пока еще между собой нормально не могут. Снова себе сделал в памяти зарубку: учить язык. Срочно. Начиная прямо с сегодняшнего дня.

Встал, стараясь не шуметь, прошелся взад-вперед по шатру, приводя мысли в порядок. Взгляд его при этом случайно упал на Варвару – та спала, разметав по кровати все свои маленькие части тела. Подумалось: может Улуша просто пришла к нему потому, что ей не хватило места, чтобы улечься рядом с подругой? Впрочем, такая трактовка происшедшего показалась Степану слишком маловероятной. Выбрался из шатра и пошел, тщательно запоминая дорогу. Ему давно следовало изучить селение и прилегающие к нему окрестности, и действие данное было продиктовано отнюдь не блажью, а скорее насущной необходимостью. Хочешь жить долго – знай место где ты живешь, знание это однажды спасет тебе жизнь. А еще лучше –

нарисуй карту, набросай на ней возможные варианты отхода. Да и от мыслей нехороших избавиться легче, если делом серьезным занят.

На улице раннее утро, а народу полным-полно. Степан обратил внимание на то, что прохожие теперь смотрят на него как-то иначе, с уважением что ли. Многие здороваются. Степан отвечает им тем же и дальше продолжает свой путь. То ли от жары, то ли с непривычки, костыли начинают натирать в подмышках, благодаря этому он вынужден временами делать остановки. Откуда, кстати, такое явное изменение отношения со стороны местных к его персоне? Вопрос конечно интересный. Подрался вчера удачно, показал свою силу, вырубив двоих и щедро получил на орехи от третьего. Возможно именно в этом его поступке и кроется разгадка. Показал сиртям, что воин, даже искалеченный, способен на многое, если он конечно внутри воин.

– А вот теперь, кажется, все сходится, – Степан улыбнулся, довольный собой до крайней степени. И дальше добавил, снова вголос: – Вот так-то, господа, знай наших!

Селение оказалось достаточно большим, Степан прошел его из конца в конец, насчитал шестьсот двадцать четыре шатра, включая три торговые лавки и шатер старосты. В лавки не заходил – незачем. Денег все равно нет, а душить голову продавцам просто так, ради развлечения, он с детства не приучен. Да и устал очень, если честно. Уже по дороге назад заметил, что какой-то паренек довольно-таки рьяно следит за ним. По пятам ходит, чего не скажешь об остальных сиртях. Давно ходит, интересно? Похоже, Степан совсем растерял свою хватку.

– А ну-ка иди сюда! – громко позвал он пацаненка, и тот, как ни странно, послушал его команду.

Подошел, молча уставился на Степана.

– Чего тебе?

– Древак дай.

Ну что такое «древак» – Степан знал, слово «дай» – тоже. Проблем с переводом у него не возникло. А вот насчет самой просьбы – тут стоит серьезно поразмыслить. Допустим, даст Степан ему костыли, а тот возьмет и ускачет на них хрен знает куда. Как потом прикажете домой добираться? На руках?

– А вернешь?

Парнишка, похоже, не понял. Не настолько у них языки видать были схожими.

– Древак мне назад вернешь? – Степан знаками показал, как он отдает костыли, а затем вновь получает их от мальчика.

– Возверну, возверну! – закивал тот и заулыбался так радостно, что Степан теперь попросту не мог отказать в его просьбе.

– Ну держи. Недолго только, а я пока здесь подожду, – с этими словами он присел под ближайшим шатром неподалеку от тропы, прислонился спиной к его шершавой поверхности и, передав во временное пользование любопытному черноголовому мальцу изделие рук своих, теперь с неодобрением косился на мусорную кучу, на которую он по глупости своей умудрился поначалу не обратить внимание. Воняла куча знатно, ползали по ней какие-то белесые черви величиной с палец. Паренек же с гиканьем уже умчался прочь, выписывая на костылях такие замысловатые кренделя, словно он на них полжизни провел, а то и больше. Вдобавок ко всему из шатра на противоположной стороне тропы высунулась какая-то старая перечница и теперь пялилась на него безотрывно своими слезящимися зенками, а чуть погодя оттуда же появилась еще одна голова – на этот раз гораздо более древней старухи.

– Тьфу ты! Богадельня у них там что ли? – раздраженно сплюнув, Степан развернулся всем телом в противоположную сторону, получив тем самым возможность лицезреть некоторый участок тропы, не обремененный ничем иным, кроме запыленной, стоптанной поросли.

Малец отсутствовал совсем недолго. Вскоре он вернулся, помог Степану встать и даже проводил его «до дома». Напоследок протянул руку для знакомства.

– Лекич, – представился солидным баском подражая, видимо, кому-то из взрослых.

Степан представился в ответ, пожал протянутую руку и, приподняв полог шатра, замер, не зная, как вести себя дальше. Улуша уже не спала: щебетала что-то Варваре, сидя с ногами у нее на постели, слава Богу уже одетая. Несомненно речь шла сейчас именно о нем. Заметив Степана, улыбнулась и призывно замахала рукой: заходи мол, заждались уже тебя. Он долго упрашивать себя не стал, выдохнул (будь что будет) и, вперив взгляд в пол, словно боясь оступить, добрался таким образом до самого стола. Тот был уже накрыт, увы, уже без таких изысков как вчера. Куски вареной клещевины, древесная кора, какое-то подобие салата в миске.

Ел, искоса поглядывая на Варвару с Улушей. Те вели себя, как ни в чем не бывало, даже веселее обычного были, в особенности Улуша – она так вообще словно расцвела. Вот те раз... Неужто вчера и вправду произошло нечто из ряда вон выходящее? Нет, не мог Степан. Никак не мог. Даже под воздействием той убойной дряни, которой он влил в себя не меньше литра. Не мог, потому что перед глазами его все еще стояла Нюра. Проглотил свою порцию мяса, смачно захрустел древесной корой, по вкусу один в один напоминающей чипсы. Подождал, пока Улуша с Варварой прикончат свои порции. Теперь пришло время заняться уничтожением языкового барьера, иначе обоюдное хроническое недопонимание может привести к серьезному разладу в их маленькой общине.

ГЛАВА 2

– Степан, у тебя клюет!

– Вижу, что клюет.

– Так вынимай, уйдет ведь!

– Ну во-первых не вынимай, а подсекай. А во-вторых – рано еще.

Ухмыляясь в усы, Степан почесал пятерней бороду. Подумал мельком: подравнять бы надо, а то превратился уже Бог знает во что – толи в лешего, толи в Робинзона Крузо. Ни то, ни другое сравнение ему решительно не нравилось. Да и сам он себе нравился не очень. По-хорошему бы и бороду, и усы надо было уже давно сбрить, тем более, когда есть чем, но в последнее время им овладела такая апатия, что дальше мыслей дело не шло. Тонкая полая хворостина, играющая роль поплавка, вновь дернулась и ушла вниз, на этот раз практически полностью. Подсек, почувствовал, как в руках согнулось удище и почти сразу же распрямилось вновь.

– Я же говорил, раньше надо было, – в голосе соседского мальчишки слышались нотки укоризны.

– Лекич, а наши вчера куда двинули?

– Воевать. Побойце большое намечается. Десять родов северных и еще четыре южных. Все в один кулак собираются.

– Десять родов... А всего их сколько?

– Всегоооо... – лоб юного сиртя от натуги пошел морщинами. Много. Не знаю сколько, но много. Разве ж их сочтешь – уймищу такую? Земля-то вся наша.

– Не вся, – автоматически поправил его Степан. На душе стало еще гаже. Впрочем, такое состояние духа уже давно было его второй натурой. С тех пор, как поговорил начистоту с Улушей. Сколько после того разговора минуло времени? Месяц? Два? Со счета Степан давно сбился. Пройди год – он и не заметит его. Жизнь калеки скучна и однообразна. А вот что касается того разговора – тот как назло впечатался в память так крепко, словно произошел буквально вчера. Он помнил свое удивление, когда узнал, что браслет, подаренный им из простой признательности, оказался не подарком вовсе, а предложением руки и сердца. Помнил глаза Улуши, когда она узнала правду в его интерпретации. Не то чтобы их отношения после этого испортились – нет. Скорее наоборот. С каждым новым днем они становились все более доверительными, ведь языкового барьера уже практически не существовало. Да только не это

тревожило Степана: с лица Улуши исчезла улыбка. Вообще. Словно иссяк родник жизненной силы, которая питала ее все это время. Браслет на ее ноге был теперь неммым укором. Укором ему. Ведь сиртя отныне пожизненно обречена на одиночество. В их мире суженый выбирался всего лишь раз, и выбрав его, девушка обязана была пройти с ним дорогу жизни до самого конца.

– Не моя вина. Не моя, – напрочь позабыв о существовании парнишки, Степан выговорил эти слова вслух.

– А чья же еще коли не твоя? Подсекать надо было вовремя!

– Шел бы ты вон... со своими... лучше б с кручи попрыгал.

И вправду: стайка детворы, облюбовавшая высокий каменный палец метрах в ста пятидесяти от места для рыбной ловли, избранного Степаном, с таким азартом, с таким визгом прыгала сейчас поочередно в воду, что он и сам бы, будь у него ноги, а не эти придатки из безвольной плоти, тряхнул стариной, сиганул вместе с ними, рванул наперегонки на тот берег и, видит Володарь, непременно добрался бы до него первым.

– А что, и пойду. Думаешь не смогу?

– Сможешь-сможешь, иди уже.

– И пойду.

Похоже, Лекич здорово струхнул. Зрачки расширены, лицо побледнело. Даже зубы как будто стучат, или это только кажется Степану?

– Что, не прыгал еще ни разу?

– Прыгал, всегда там прыгаю.

Врет пацан. Врет – и не краснеет.

– Ладно, иди уже, прыгун, а я за тобой отсюда пока понаблюдаю.

Долго уговаривать не пришлось: рванул малец так, что пятки засверкали, оставив, наконец, на долю Степана его желанное одиночество.

Десять родов северных и четыре южных. Итого четырнадцать получается. И куда же они пойдут? Какую часть линии фронта выберут для прорыва? Он бы все, буквально все отдал за то, чтобы идти сейчас в общем строю, напевая со всеми слова былины о доблестных братьях Кличко, самолично им, кстати, и выдуманной. Что подделаешь, от безделья и не на такое сподобишься. В данный момент Степан числился в роду Веперя кем-то наподобие барда. Трепуном – если в буквальном переводе, но слова этого он категорически не приемлил. Начиналось все с вечерних посиделок, когда весь род, от мала до велика, собирается на центральной площади. Тогда и идут в ход байки, пересуды, обмены свежими новостями да сплетнями. В какой-то момент все это дело стихает по знаку старейшины Сергия, а на самую середину площади выступают барды. У каждого из них своя культурная программа, представляющая собой в основном набор былин, временами исполняемых под аккомпанемент деревянной дудки. Ни ритма при этом, ни рифм естественно не соблюдается. Иначе говоря под понятием «былина» имеется у них в виду определенный, зачастую ограниченный набор слов о происходящих тогда-то и тогда-то событиях. Короче: набор информации. Когда же Степан соорудил себе нечто наподобие гитары и рискнул выйти пред ясны очи всего рода Веперя на одной из таких посиделок с песней Лебединского: «Я убью тебя, лодочник!», то произвел не просто неизгладимое впечатление, а самый, что ни на есть настоящий фурор, причем не только среди женской половины населения, но и среди самих воинов. Это была бомба. Бомба такой разрушительной силы, что без участия Степана отныне не проходили ни одни посиделки. Он улыбнулся, вспоминая, как засветились тогда гордостью глаза Улуши, гордостью за СВОЕГО МУЖА.

Внезапно внимание Степана привлек крик. Кричали с того самого пальца, откуда детвора только что прыгала в воду. Кричали как-то невнятно, и лишь когда до него донесся второй крик, он осознал, наконец, что же он означает.

– Лекич утоп! Утоп Лекич!!!

Миг на осмысление информации, и Степан несется уже к тому месту, откуда прозвучал крик. Именно несется, едва ли не парит над землей. Как ему удастся делать это на костылях – он и сам не знает и сейчас даже не задумывается о такой глупости. Как он взберется на палец – вот вопрос. Стены почти что отвесные. По одной из них змеится трещина. Именно так. Именно по этой трещине и взбирались, наверняка, дети. Но у детей были ноги!!! Отменяется трещина, трещина отменяется! Прыгать он будет отсюда, прямо с основания пальца. Камень какой-то высовывается правда из воды, но, если постараться, то можно на него и не попасть, ведь так? «Так», – успокаивает он сам себя и тут же прыгает, летит вниз вместе с костылями. «Как я буду плыть на одних руках?» – мысль обожгла Степана и тотчас же испарилась, потому что водная гладь была уже совсем близко. В последний момент успел набрать в грудь побольше воздуха, ощутил как тело уходит глубоко под воду. Выпустил из рук костыли и открыл глаза. К счастью, вода чистая как слеза, видимость просто отличная. Каждый сантиметр дна виден, а вот тела мальчика почему-то нет. Пробкой выскочил наружу, чтобы захватить еще воздуха и краем глаза заметил вдруг светлое пятно ниже по течению. Пятно унесло довольно далеко, но это наверняка Лекич там, это его тело! Грести, грести, как никогда в жизни не греб!!! Вот тело уже совсем близко, Степан приподнимает голову Лекича над водой и начинает грести обратно. Хотя точнее даже не обратно – куда ему против течения! Тело даже без участия мозга, само, принимает решение плыть к ближайшему берегу. Рывок – и ребенок уже на прибрежном песке, глаза его закрыты, лицо выглядит холодным и мертвым. Вокруг начинает собираться толпа зевак, но ему сейчас не до них, ему надо вдохнуть в эту плоть жизнь, если это, конечно, возможно! Руки Степана делают искусственное дыхание: надавливают на грудную клетку раз, второй, третий... Мозг же застыл, парализованный нечеловеческой жутью. ЭТО ЕГО ВИНА!!!

Струйка воды, вытекающая изо рта... и вдруг Лекич закашливается. Поначалу вяло, затем все сильнее и сильнее. Вскоре он уже дышит вполне самостоятельно, и Степан рискует заглянуть ему в глаза. И видит там не ненависть, нет. Глаза Лекича смеются:

– Степан, твои ноги!

Что с ними, что с его ногами? Перебиты? Угораздило-таки попасть на тот камень во время падения? Только сейчас он замечает, что стоит над телом Лекича на четвереньках, стоит вполне самостоятельно, и его вдруг окатывает такой волной немыслимого восторга, что все его прошлые переживания попросту меркнут.

– Лекич...

Малец вскакивает, как ни в чем не бывало, словно это не его тело только что плыло по течению лицом вниз и радуется вместе со Степаном его неожиданному выздоровлению.

– На ноги, на ноги стань, стань на ноги! – он хватается Степана за руку, и тот послушно встает. Ноги подрагивают от напряжения, но Степану даже приятно ощущать, как твердеют мышцы, чувствовать легкое покалывание в икрах. Так и надо, так и должно быть. Он делает несколько шагов, ведомый Лекичем и едва не падает, когда стопа попадает на едва заметную глазу неровность. Затем, подбадриваемый остальной ребятней, делает еще несколько шагов и, вконец обессиленный, присаживается отдохнуть. Глаза его замечают одинокий костыль – тот прибил к берегу совсем рядом и сейчас лежит на песке, терпеливо ожидая, когда же хозяин соизволит наконец забрать его обратно. Тупой деревяшке невдомек, что в ее услугах более не нуждаются.

Из стойбища уже бегут люди, много людей. Наверняка кто-то из ребят успел предупредить их о трагедии. В передних рядах – сухошавый, жилистый воин с кудрявой шевелюрой – Кирий, отец Лекича. Чуть поодаль Степан замечает и его мать – статную, с волосом цвета воронова крыла. Лицо ее перекошено от горя. К счастью, он не видит пока глаз женщины – слишком большое расстояние. Вот толпа приближается и замирает со вздохом изумления, когда Степан встает на ноги, а из-за его широкой спины, словно черт из табакерки, с гиком выпрыгивает живой и невредимый Лекич.

– Сына? – руки Кирия обхватывают ребенка, поднимают высоко-высоко, а затем подносят поближе к глазам, как будто все еще не веря в случившееся чудо. – Ты ли это? – голос Кирия дрожит, кадык дергается вверх-вниз чисто непоседа-попугай на деревянном шестке.

– Я батька, я.

Торжественно, словно какую-то реликвию, Кирий передает сына в руки матери, и та обнимает его так крепко, с таким пылом, что у Лекича из груди едва не выпрыгивает душа, с таким трудом загнанная Степаном обратно в тело. Тем не менее, он находит в себе силы и выдыхает совсем негромко, но его каким-то образом слышат буквально все:

– Меня демон-Степан спас.

В наступившей тишине капли воды падают на песок с мокрых штанин Степана оглушительно громко.

– Он за мной прыгнул сразу, а когда вытащил и к жизни вернул – Володарь Животворящий за это ему прощение свое явил. Так что теперь он не демон вовсе, а просто Степан!

Взгляд Кирия пристальный, с прищуром, рыщет по Степану и видит то же, что и все остальные: стоит демон на своих собственных ногах, уже без помощи деревяшек, смотрит спокойно и даже устало, ноги его дрожат от слабости, но он упорно старается это скрыть, как и подобает настоящему воину.

– Степан, – Кирий пробует на слух имя исчадия Тьмы. Нет, пожалуй не врет его сын, его кровь. Пожалуй, именно так все и было, иначе не стоять бы сейчас демону на своих двоих. – Демон очистился благим поступком, и Животворящий вернул ему ноги, – вынес он, наконец, свой вердикт. – Все согласны?

– Все! Все! – послышалось отовсюду, и Степан ощутил вдруг, глядя на лица окружающих его людей, что отныне он не враг им, не отщепенец, не калека без роду без племени. Он теперь Веперь, Веперь такой же как и они.

Улуша с Варварой были так заняты каким-то своим очередным варевом, что поначалу Степана даже и не заметили. Когда же он подошел к Улуше сзади и обнял ее за талию, та опешила слегка, непривыкшая к таким проявлениям нежности с его стороны, затем взгляд ее упал на его руки и девушка замерла, боясь пошевелиться, боясь поверить в робкую мысль, которая только что закралась в ее голову.

– Варвара, – позвала она подругу и та тотчас же обернулась. Какое-то время рассматривала их обоих с явным недовольством (еще бы, оторвали от такого важного дела!), а потом глаза ее, и без того немаленькие, округлились еще больше. Подошла вплотную, за спину Степану зачем-то заглянула, словно надеясь увидеть там одно из каких-то новых приспособлений для удержания тела в вертикальном положении, на которые хитроумный демон был большой мастак. Не найдя ничего похожего, пожала могучими покатыми плечами:

– Излечился, значит.

– Не излечился, а очистился благим поступком, – выдал Степан версию Кирия. Сам же он, естественно, склонен был скорее согласиться с Варварой. Но кто ж об этом вслух скажет, если уж так складно все получилось?

– Ну и что за поступок?

– Лекич тонул, я прыгнул за ним и спас. А затем, когда к жизни его вернул, так сразу и ноги свои чують стал.

– Чудеса... Улуша, это по твоей части. Как думаешь, Володарь вмешался?

– Не знаю, – похоже, она все еще не могла прийти в себя от неожиданно радостной вести. – Не было Его давно. С тех пор, как Степана к нам привел – так и не появлялся.

– Неисповедимы пути Животворящего, – покачивая головой, Варвара вернулась к бурлящему зелью. Его следовало немедленно снять с огня и процедить, иначе вся дневная работа пойдет насмарку.

Степан же выпустил из своих объятий Улушу и сейчас стоял, опираясь рукой на стол. Ноги, отвыкшие от нагрузок вследствие довольно длительного бездействия, болели теперь вполне ощутимо.

– Улуша, разговор серьезный к тебе имеется.

Брови девушки вопросительно изогнулись. Словно невзначай, она бросила взгляд на свой браслет: на месте ли, никуда не делся? Степан по-прежнему является ее законным мужем?

– Можешь мне помочь в одном деле?

– В каком?

Своим женским чутьем она чувствовала, что этот ее разговор со Степаном ни к чему хорошему не приведет.

– Помнишь, я тебе рассказывал? Нюра, моя жена. Ее надо спасти.

– Как ты собираешься ее спасти? – говорила она вполне спокойно, хотя все ее естество кричало: «Я твоя истинная жена, я, очнись, дурак!»

– Надо, чтобы ты помогла мне вернуться обратно и вывела Нюру из большого каменного здания при помощи мары. Ее наверняка содержат в одной из городских тюрем Звенигорода.

– Прости, я не смогу этого сделать.

– Как не сможешь? Почему? Я же помню, как ты вывела из окружения мою группу: целиком, в полном составе! – сам того не замечая, он уже почти кричал.

– То был случай особый. На мару требуется много сил. Моих – и Животворящего. Я едва не умерла тогда от слабости. Сейчас, когда Володаря нет рядом – будет вдвойне тяжелее.

– Но ведь это возможно, ведь так?

– Возможно, но только один раз. После этого мне придется долго восстанавливать силы.

Степан, – глаза Улуши смотрели на него очень внимательно и было в них столько невысказанной грусти, что он внезапно поверил: девушка, по чьей милости он до сих пор оставался в живых, не врет ему, – ты же сам говорил, что Звенигород очень большой город. Как много-много стойбищ и все в одном месте. Говорил, что тебя разыскивают, как мятежника. Неужели ты всерьез думаешь, что всего лишь одной мары окажется достаточно?

Степан сник. Улуша была права по всем статьям. Права. А он, идиот, вел себя как капризный ребенок. Сиртя не посчитала нужным упоминать даже, что каким-то образом им надо было еще перебраться через линию фронта туда и обратно, умолчала она и о том, что путь до самого Звенигорода по враждебной территории ой как нелегок. Он-то рассчитывал на совершенно иной расклад: мара тут, мара там, мара здесь, и вот ты уже в дамках.

– Прости, прости ради Бога.

Улуша не отвечала. Тогда он подошел к ней и обнял. Осторожно, так, словно девушка была создана из какого-то невероятно хрупкого материала, который мог вмиг осыпаться в его руках при любом неловком движении. Легко, едва ощутимо, провел ладонью по волосам, и это вдруг оказалось последней каплей: Улуша резко, всем телом, повернулась к нему, крепко обняла в ответ и зарыдала так неистово, так громко, что котел со злополучным зельем, который Варвара как раз только что держала в руках, бухнулся на пол с тихим стуком и покатился, щедро расплескивая содержимое, а сама травница уже была подле них, сгребла в свои объятия обоих и тоже зарыдала в голос, вторя Улуше.

Так тяжело Степану не было еще никогда в жизни. Радость от неожиданного, едва ли не волшебного выздоровления вмиг испарилась, а на душу его лег такой неподъемный груз, такой камень, который не сдвинешь ни трактором, ни БТРом. Эта девушка любила его. Любила искренне, жаростно, как могут любить только сирти. «Что делать, мать его, что делать?» – он искал и не находил ответа. Не находил, потому что его не было. Только повторял все снова и снова:

– Прости, все будет хорошо, прости, прости, прости... – испорченный патефон – и тот на его месте был бы сейчас гораздо более убедителен.

ГЛАВА 3

– Уходишь все-таки?

– Ухожу.

Старейшина Сергей крепко пожал протянутую Степаном руку:

– Ну хотя б сам шел – травницу-то нашу с ведуньей зачем забирать?

Тут Сергей лукавил слегка, ибо по всему видно, что расставаться он не хотел именно с Варварой. Улуша, как говорится, была старосте до лампочки.

– Так я и не собирался. Сказали мол: не отпустим в одиночку такого знатного воина, чтобы не обидел его кто случаем по дороге.

– Ну да, ну да. Варвара такая, она может. Обижалку любому скрутит ежели случиться какая оказия.

Шутил Сергей с такой кислой миной на лице, что Степану было искренне его жаль. Хороший мужик староста: серьезный и справедливый. Побольше бы таких в мир Степана, и он не захлебывался бы сейчас в дерьме, выплевывая из себя в мир-близнец тех, кому стало уже совсем невмоготу.

– А ты то чего стоишь, Варвара? Подошла бы чтоль, облобызала напоследок!

– Еще чего! – глаза Варвары смеялись. – Чай не навсегда от тебя ухожу, сморчок старый!

Тем не менее, приблизилась, облапила крепко, по-мужски, отчего голова Сергея скрылась промеж ее роскошных грудиц почти полностью, одни уши торчали.

– Ухх, вот теперь точно не пушу!

– Да куда ж ты денешься-то? – похохатывая, она отбилась, наконец, от приставаний старосты, норовящего вновь втиснуть свою буйную голову туда, откуда она с таким трудом была только что извлечена.

– Ну теперь твоя очередь, Володарева служка!

Под всеобщий хохот Улуша робко, мелкими шажками, прошаркала к Сергию, готовая в любой момент отпрыгнуть и тотчас же ретироваться, едва только он позволит себе подобную вольность с ней. Ничего страшного однако не произошло – тот попросту поклонился ей в пояс да легонько приобнял потом за плечи:

– Удачи вам, дочка, и да ниспошлет смерть Володарь врагам вашим!

Одобрительные возгласы едиородцев вперемешку с пожеланиями счастливого пути звучали в их ушах ровно до тех пор, пока последние шатры поселения рода Веперя не остались далеко позади. Впереди расстилалась степь: бесконечная, словно сама Вселенная, и точно так же наполненная под самую завязку жизнью, проявления которой временами были настолько странными, что человеческий разум просто терялся в этом немыслимом разнообразии. Их маленький отряд, если таковым, конечно, можно назвать это одинокое трио, направлялся сейчас напрямик к месту сбора воинских подразделений родов, чьими старейшинами было принято решение о проведении совместной атаки на определенном участке Черты – как они именовали линию фронта, протянувшуюся, словно Великая Китайская Стена, по их землям. Представители рода Веперя, отряд численностью в сто сорок шесть голов, тоже участвовали в этой акции, выступили они просто чуть раньше – буквально за день до того, как Степан обрел, наконец, возможность ходить. Почему Степан пришел именно к такому решению, почему решил посвятить себя войне, объяснять смысла нет. И так ясно, что, потеряв последнюю возможность вызволить Нюру с помощью сверхспособностей Улуши, ему не оставалось ничего иного, кроме как выступить против Империи. Нанести хоть какой-то урон, насолить хоть чем-то. А там, как знать, глядишь – и наклонется возможность освободить любимую, тем более что Володарь явно на его стороне, иначе не дернул бы Степана из родного мира.

– Ты-то зачем с нами пошла? – обратился он к Варваре, которая наклонилась сейчас и выпутывала из хитросплетения трав ту единственную, которая отчего-то пришлась ей по душе. Ничего особенного: бурьян со слегка утолщенным книзу бурым стеблем.

– Пошла и пошла. Не всю же жизнь дома сидеть.

– Что ж, и то верно.

Присесть чтоли, пока она там со своей травой копается? Стоило об этом только подумать, а Варвара уже на ногах, и бредет так споро, что при таком темпе Степан выдохнется буквально за час. Улуша идет по левую руку от него, и настроение у нее уже не столь мрачное как обычно. С азартом вертит головой по сторонам, выискивая всевозможную опасность. У Степана и самого, признаться, настроение выше среднего. Тупая растительная жизнь в селении успела изрядно осточертеть, а сейчас, когда за спиной у него висит серпак, да собственноручно сделанный из камшита ростовой щит, чувствует он себя воякой хоть куда. Жаль только лука нет, ну да он, впрочем, и стрелять из него как следует не умеет. Навыки, оставшиеся с детства, здесь не в счет – луки у сиртей серьезные, мощные, индивидуально под каждого человека подогнанные. У Улуши вон свой лук, например, небольшой по сравнению с Варвариным. Степан даже боялся себе представить на какое расстояние из лука травницы способна вылететь стрела. Как-то раз попробовал натянуть тетиву, когда тот был в собранном состоянии и, донельзя обескураженный результатом, долго потом сверлил свои бицепсы ненавидящим взглядом.

К вечеру им удалось одолеть всего лишь треть намеченного маршрута. Естественно, виновны в этом были Степановы ноги, которые все еще отказывались работать как следует. Едва Улуша скомандовала привал, он сразу же сном упал на землю, предоставив девушкам почетное право и ужин готовить, и следить за чахлым костерком, поддерживать который было довольно-таки проблематично вследствие катастрофической нехватки дров. После ужина, когда почувствовал себя достаточно отдохнувшим, вклинился в разговор Улуши с Варварой со своим вопросом. Интересовало его одно: как сирти из других родов отреагируют на его появление. Казалось, девушки вообще не поняли сути вопроса.

– Что значит как отреагируют? – Варвара воззрилась на Степана с таким видом, словно тот нес полнейшую ахинею. – Нормально отреагируют. Племя Веперя держит себя высоко, издавна воины его желанными союзниками были в любой сече.

– Да не о том я! – казалось бы, вроде и язык выучил неплохо, но ключевые понятия их культур временами настолько различались, что сформулировать свою мысль правильно удавалось далеко не сразу. – Демон я, так?

– Ну какой же ты демон? Ты теперь наш, Веперь, – в голосе Улуши слышалось нешуточное беспокойство. Похоже, девушка всерьез решила, что ко всем неприятностям Степана добавилась еще и кратковременная потеря памяти.

– Пусть так, пусть бывший. Но не найдутся ли такие, кто будет утверждать обратное? Дескать, бывший демон он демон и есть или еще что-нибудь в этом духе?

– Ты – Веперь. И староста Сергей заявил об этом во всеуслышание. Или ты не помнишь?

– Да помню я, помню, – уяснив, что от девушек никакого иного ответа добиться не удастся, Степан, тем не менее, отчего-то успокоился. Улегся на свою подстилку, глаза прикрыл и под несмолкаемую трескотню обеих подруг уснул так крепко, как никогда не спал будучи в стойбище.

Как девушки утверждали, так оно в принципе и вышло. Когда их маленький отряд, проделав остальную часть пути, после трех суток утомительного и казалось бы нескончаемого марша ступил, наконец, на территорию временного лагеря, устроенного сиртями у подножия трех холмов подле излучины небольшой, но весьма бодрой речушки, несущей свои мутные воды куда-то на северо-запад, встретили их действительно вполне радушно. Весть о прибытии бывшего мятежного демона, а ныне доблестного воина рода Веперя в сопровождении мужеподобной травницы и желтоглазой Володаревой служки облетела территорию лагеря с такой завидной

быстротой, которой позавидовал бы любой оператор сотовой связи. Новость эту несомненно разнесли их сородичи, коих насчитывалось здесь ровным счетом сто сорок шесть голов. Из всех Веперей первым к ним, как ни странно, подошел Калина – тот самый воин, по милости которого нос Степана перекошен теперь был чуть в сторону, несмотря на все ухищрения Варвары.

– Пришел, значит, – констатировал он вполне спокойно и, глядя своему оппоненту прямо в глаза, внезапно предложил: – В десятку к нам пойдешь?

– Пойду, – с ответом Степан промедлил буквально мгновение, но и этого оказалось достаточно, чтобы губы воина раздвинулись в широкой улыбке: – Серчаешь все еще за наше маленькое недоразумение? Так, не серчай. На вот, посмотри лучше каких гостинцев мне староста Сергей выписал за то, что бока тогда тебе слегка намял, – с этими словами Калина скинул рубаху и продемонстрировал голую спину, вдоль и поперек испещренную длинными белесыми рубцами. Варвара ахнула, Улуша наоборот: расплылась в такой мстительной улыбке, что Степану за нее, право слово, стало как-то неловко.

– Да я и не серчаю, можно сказать даже благодарен. Нос теперь по ветру гораздо сподручней держать, – пошутил он, желая хоть как-то сгладить легкую напряженность, возникшую вследствие нетактичного поведения своей названной супруги.

– Пойдем тогда к нашим сведу, – Калина развернулся да так и побрел с голым торсом вглубь лагеря, обминая кучки воинов, коими было усеяно все пространство меж трех холмов. Каждый из них был занят своим делом: кто-то зачем-то смазывал топленым салом туго натянутую лучную тетиву, четко выверенными движениями проводя по ней ветошью взад-вперед (затем несомненно она будет снята и водружена на место лишь перед боем), кто-то просто трепался с друзьями или спал на голой земле, несмотря на многоголосый гомон, окутывающий лагерь наподобие паучьего кокона. Ни флагов, ни родовых штандартов естественно не было и в помине, отчего стороннему наблюдателю, к коим Степан себя почему-то сейчас мысленно причислял, вполне обоснованно казалось, что ни о каком планомерном распределении боевых подразделений речи и быть не может. Тем не менее, он оказался неправ. Прямым тому подтверждением явилось то, что род Веперя в полном составе обнаружился ближе к подножию одного из холмов. Скорее всего, точно так же дело обстояло и с остальными родами, принявшими решение о непосредственном участии в совместной вылазке.

– Глядите-ка какое пополнение я к нам привел! – ухмыляясь, Калина подвел все трио к горстке воинов, на лицах которых явственно читался вполне обоснованный по такому случаю интерес.

Буквально все присутствующие Степану были знакомы: кое-кого он знал даже по имени, некоторых просто помнил в лицо.

– Здрав будь! – Авдей, ситный друг Калины, первый, кряхтя, поднялся с земли ради того, чтобы по свойски поприветствовать как Степана, так и стоящую подле него свиту. За ним потянулись и остальные, обмениваясь крепкими рукопожатиями.

– В десятке у нас будет. Супротивники против моего мнения имеются?

Таковых, к счастью, не оказалось. Лишь Загуня с крайне серьезной миной на лице вкравчиво поинтересовался: а не многовато ли Степану на одного иметь аж целых две бабы, за что тотчас же получил нагоняй от самого десятника Осипа – крепко сбитого широкоскулого мужика лет сорока с гаком.

– Место ваше будет вот здесь. Располагайтесь, – взял Осип инициативу в свои руки. – Если с дороги устали, то я этим зубоскалам заткнуться прикажу.

– Спасибо, – поблагодарил Степан десятника за заботу, бросил на указанном пятачке поклажу и присел, давая наконец натруженным ногам долгожданный отдых. Рядом с ним пристроилась Улуша. Ни слова не говоря, порылась в котомке, извлекла оттуда кусок коры, разделила его по-братски на три части и протянула каждому из них свою долю. Варвара, первая проглотив порцию лакомства, увязалась за Осипом, забрасывая того вопросами: когда высту-

паем, все ли рода уже прибыли, или может еще кого ждем, на что тот отвечал весьма расплывчато. Мол, когда выступаем не знаю, а насчет того ждем кого или нет – так это к старейшинам надо, а не к нему, скромному десятнику. Так ничего толком и не добившись, травница вернулась на свое место и села, мрачно сдвинув брови. Степан, желая расшевелить девушек, чтобы как-то поднять им настроение после тяжелого перехода, затащил своего «Лодочника», успевшего стать в племени Веперя самым настоящим хитом. Затащил во всю глотку, затащил с таким энтузиазмом, что голоса вокруг смолкли и теперь лагерь, словно единое существо, замер для того, чтобы потом, в конце песни, взорваться воплями неопишемого восторга. К Степану подходили все новые и новые воины из разных родов, знакомились, хлопали его по плечам. Кто-то угощение даже принес – пару свежезажаренных грызунов на деревянном вертеле.

Когда всеобщее веселье улеглось, и их оставили наконец в покое, он задал подругам вопрос, который пришел ему в голову во время песни: всегда ли сирти в набег собирают такое большое количество родов или этот случай особый, приуроченный, так сказать, к какому-то важному событию. Ответ не заставил себя долго ждать:

– Нет, не всегда. Хочешь, покажу? – получив утвердительный кивок от Степана, Улуша заставила его закрыть глаза, приложила к вискам свои горячие ладони, и перед ним вдруг, словно в кинохронике, замелькали кадры какого-то немого кино.

Вечереет. Белоголовый малец после выпаса загоняет стадо клещей в загон. Селение довольно большое: как в калейдоскопе шатры сменяются один за другим с головокружительной скоростью. Между шатрами ходят люди, совершенно не подозревающие о том, что сейчас должно произойти нечто страшное, нечто такое, что поставит на их жизнях одну большую жирную кляксу. Вот пастух поднимает голову и Степан видит его глазами шесть гигантских темных силуэтов. Они становятся все ближе и вскоре заслоняют собою небо. «Люфтваффе» – выведено на бортах каждого из них большими белыми буквами. Степан уже догадывается, что именно должно произойти и потому кричит, кричит не своим голосом, стараясь предупредить мальчика об опасности, но тот так занят разглядыванием диковинных машин, что не слышит ничего вокруг и сейчас просто стоит на негнущихся ногах, разинув рот от безмерного удивления, смешанного с каким-то противным, щенячьим трепетом перед безграничным могуществом неведомых создателей.

– О Володарь Всемилостивый, Животворящий! – шепчут губы пастуха в унисон с губами Степана, и дирижабли, все шесть, словно повторяя за ними слова молитвы, синхронно раскрывают свои щербатые рты-зевы бомбовых отсеков, выплевывая из себя рой стальных цилиндрических болванок.

– Уходи!!! – вновь орет Степан, в глубине души все еще надеясь на чудо, но голос его тонет в свисте рассекающих воздух небесных подарков.

Еще пара мгновений и болванки достигают земли для того, чтобы выплеснуть на нее свое зловонное содержимое, а затем, после трехсекундной паузы, воспламенить горючую смесь крошечной палочкой детонатора, встроенного в головке каждой из них.

Напалм сделает свое дело в считанные минуты. Очень скоро от селения сиртей останется всего лишь выжженная проплешина, которую в конце концов рано или поздно поглотит вечная как небесная синевая степь, но крик сгорающего заживо белоголового паренька отныне всегда набатом будет звучать в голове у Степана. И затихнет лишь в тот миг, когда сердце его остановится.

– С тобой все в порядке?

– Вполне, – Степан почувствовал, что висков его уже не касаются Улушины ладони, и с облегчением открыл глаза. – Скажи мне, то что я видел – действительно происходило на самом деле или это плод твоего воображения?

– Действительно. Ты же сам просил, чтобы я показала.

– Ты лично видела это, это твои воспоминания?

– Нет, – Улуша задумалась на некоторое время, не зная, как правильно объяснить Степану такие очевидные для нее вещи. Затем начала издали, с самых истоков. Так поясняют малому ребенку, который, едва научившись говорить, задает взрослым порой обманчиво простые, но на самом деле настолько глобальные вопросы, что ответить на них сходу ой как непросто:

– Камень. Дерево. Трава. Земля, на которой ты стоишь. Небо. Ты сам. Все вместе вы составляете единое целое, вы составляете Володаря.

– Погоди, – похоже, он окончательно запутался. – Но ведь Володарь – ваш Бог. Или я не прав?

– Прав конечно, – девушка вернула на место упавшую на глаза тонкую белую прядь.

– А вот тут, пожалуй, неувязочка вышла! – Степан воззрился на Улушу с таким победоносным видом, что та не выдержала и прыснула своим серебристым смехом. – С Володарем я, между прочим, лично знаком. Этот зловредный старикан силком переправил меня в ваш мир, словно банку просроченных сардин.

Его красочная аллегория, к сожалению, ведуньей была успешно проигнорирована, вследствие явного недопонимания сути оной.

– Володарь принимает облик тот, который ему по душе и который мы сами в состоянии воспринять. Так понятно?

– Пожалуй, что да, – действительно, сейчас Степан мог в уме представить себе подобную концепцию. Допустим, Володарь, этот старый проныра, и есть их мир: существо-симбиот, коллективный разум которого, словно мозаика, складывается в единое целое из мириадом как вещественных сущностей, так и их духовно-энергетических составляющих. Тогда каким боком ко всей этой теологии привязаны видения, ниспосланные его мозгу Улушей? Он уже предчувствовал, что ему ответят, но, тем не менее, не поленился спросить:

– Твои видения... они взяты из памяти Володаря?

– Ты абсолютно прав. И знания эти воистину безграничны!

– Кто б сомневался! – буркнул Степан себе под нос, отчаянно пытаясь представить в своем воображении гигантский разум с банком данных, хранящим в памяти все до единого события, произошедшие от самого начала сотворения мира. Зашибись, с ума сойти можно! И Улуша так спокойно говорит ему об этом, словно нет здесь ровным счетом ничего особенного. Ну есть эти знания, и хорошо. Полезная штука. Ладно, отставить религиозный экстаз. Дело надо заниматься, делом. А дело не ждет, между прочим, а потихоньку наклеивается, и причем настолько серьезное, судя по дирижаблям, что, похоже, мир сиртей очень скоро накроется медным тазом! Желая как-то оценить масштабы трагедии, Степан вновь обратился к Улуше:

– Этот поселок... что сгорел... он единственный?

– Нет конечно. Их четыре раза по десять и еще шесть. Показать все?

– Нет, ты что, ни в коем случае! – Степан даже руками замахал, а Варвара, которая все это время внимательно прислушивалась к их разговору, позволила себе даже поинтересоваться не без ехидцы в голосе:

– Что, на дело своих рук уже и посмотреть в тягость?

– В каком это смысле? Ты что несешь? – от незаслуженной обиды он даже в лице переменялся.

– В том самом. Кто служил своему Темному Властелину ползуном? Кто выводывал, где какое стойбище расположено?

– Не ползуном, а разведчиком, – поправил Степан автоматически и вдруг внезапно осознал, что же хотела донести до него своими словами Варвара. Знание это было как озарение, как искра, от которой все тело его бросило в жар, а лоб обильно покрылся каплями холодного пота. Травница была права!!! Это на его руках и на руках таких же как он смерть сотен и сотен жителей тех стойбищ, которые он так беспечно обозначал крестиком на своей полевой карте. Но, с другой стороны, если бы не он, то кто-то другой обязательно сделал бы за него эту работу.

Да и не знал Степан, что дело обернется именно так – он просто плыл себе по течению, выполняя то, что от него требовало начальство. И все – точка.

– Нет в том моей вины. Что случилось – то и должно было произойти.

– Для чего?

– Ну хотя бы для того, чтобы сирти собрались наконец в единый кулак и сломали хребет Империи.

Травница хотела ответить какой-то очередной колкостью, но тут неожиданно вмешалась Улуша, выдав аргумент, после которого спор просто обязан был прекратиться:

– Варвара, успокойся. Степан уже давно не тот, кем был раньше.

– Не сомневаюсь, – девушка все еще сверкала глазами, но по всему было видно, что ей уже неудобно за те слова, которые она стгоряча высказала Степану.

– А что ты там про единый кулак говорил? – Осип с Загуней, ставшие невольными свидетелями спора, подобрались так тихо, что Степан только сейчас заметил их присутствие.

– То и говорил: собраться всем миром надо, а не в несколько родов. Империя слишком сильна, для нее ваши разрозненные набег не страшнее комариного укуса будут.

– Мы и собрались. Почти полтора десятка родов – чем не сила?

– Погоди, – Осип только теперь начал понимать всю масштабность Степанового замысла. – Не о нашем сейчас набеге речь, ведь так?

– Так.

– Все рода собрать и уймищей такой на демонов двинуть... Да от них же места мокрого не останется!

– Верно. Вот и я о том же.

– Нет, невозможно, – посмаковав заманчивую идею словно сладкий леденец, Осип с сожалением покачал головой из стороны в сторону. – Не соберешь всех, как не старайся. Если бы можно было – давно б собрали. Не один же ты у нас такой умный?

– Я свое мнение высказал, а ты уже сам смотри. Однако сдается мне, что это только начало. Империя, отведав свежей крови, уже ни перед чем не остановится, тем паче если у них на вооружении появились дирижабли.

– Ты имеешь в виду извергающих огонь птиц?

– Именно.

– Не знаю – не знаю. Может быть ты в чем-то и прав, ну да не о том я к тебе сейчас речь пришел вести. Выступаем завтра в полдень. К Черте двинемся, посмотрим все что да как. Ты с нами?

Степан не возражал. Назвался груздем – полезай в кузов, как говорится. Уточнил только:

– Десятком одним пойдем?

– Нееет. Десятков будет восемь.

Чтож, похоже сирти решили взяться за дело всерьез и обследовать большую часть прифронтальной территории, стремясь до подхода основных сил, выявить наиболее оптимальную точку для нанесения удара.

* * *

Степан, сидя на самой вершине дерева с губчатой, морщинистой, словно старушечья шея, бурой корой, до рези в глазах вглядывался туда, где брала свое начало одна из траншей, извилистым червем разделившая на две равных части сравнительно узкую рукотворную пустошь с там и сям торчавшими из травы замшелыми пнями. Далее, правее этой траншеи, была топь. Судя по всему, непроходимая, поскольку патрулей, контролирующих ее расплывчатые границы, обнаружено Степаном не было. Еще одной местной достопримечательностью являлась шестерка минометных расчетов – те были замаскированы с такой тщательностью, что, не будь

он в таких делах истинным докой, то непременно прокололся бы. Вот пожалуй и все. С его точки зрения данный участок фронта был вполне пригоден для прорыва, если бы не одно но: он представить себе не мог каким образом практически безоружные в его понимании сирти умудряются пройти через кинжальный огонь противника к заветной траншее. Жертв будет не просто много – страшно даже представить в своей голове эту цифру. За каждый пройденный метр десятки, сотни человеческих жизней? Сейчас Степан уже сожалел о том, что по собственной воле ввязался в подобную авантюру. Чем он вообще думал, когда согласился взять с собой девушек? Ладно Улуша – та просто поставила его перед фактом: пойду мол и все. Но Варвара... Нет, с этим надо что-то делать, причем делать срочно. Но что? Что может заставить девушек не принимать участия в самоубийственном штурме? Ни-че-го. Голова сейчас пустая словно котел. Казалось, стукни по ней, и она зазвенит. Матерясь сквозь зубы, начал спускаться с дерева и едва не навернулся, когда ветвь, с виду вроде бы вполне надежная, подломилась под ногой с таким хрустом, что не услышать его мог разве что мертвый.

– Ты что творишь, блаженный? – донесся откуда-то снизу зловещий шепот Авдея.

Степан заскользил по стволу с удвоенной прытью и, едва коснувшись ногами земли, тотчас же откатился в сторону, и замер, слился с ландшафтом, стараясь даже не дышать.

– Пронесло, кажись, – Авдей смотрел на горе-разведчика с плохо скрываемым неодобрением. – Ну что, насмотрел чего?

– Насмотрел. – Степан подполз поближе к товарищу под прикрытие древесного ствола, пошевелил руками-ногами. – Цел вроде бы. Надо же, как меня угораздило! Осип где?

– Скоро будет. Пойдем что ли, незачем тут отсвечивать.

Поляна, избранная десятником для сбора, пока еще пустовала.

– Так что насмотрел то?

– Шесть стволовиков насмотрел, – выразился Степан местным жаргоном.

Стволовиками сирти именовали минометы. Бог знает почему. Порой он и сам ловил себя на мысли, что думает уже так как они.

– Стволовики – это плохо, – Авдей задумчиво пожевал губами. Степан, глядя на свой «второй номер», попробовал сходу определить возраст товарища и почему-то не смог. Безусый, черноволосый, с тонкими, женственными чертами лица. Высокий, худощавый. Авдей походил на подростка лет девятнадцати – двадцати двух, если бы не глаза. Глаза у него были какие-то старые, усталые чтоли. Толи повидал на своем веку паренек немало, толи просто внешность порою обманчива и, на самом деле, ему сороковник, не меньше.

– Можно по топи пройти, я думаю. Тянется она далеко за пределы Черты.

Авдей не ответил. Прислушивался к чему-то, отрешенно поглаживая ладонью рукоять серпака, затем вдруг в какой-то момент расслабился, словно опасность миновала, а через минуту на поляну ступил Осип со свитой: Калиной и Загуней.

– Ну что там у вас? – перешел он сразу к делу.

Степан доложил обстоятельно, описывая увиденное со всеми подробностями. Как и следовало ожидать, именно минометы оказались для Осипа крайне неприятным сюрпризом. Впрочем, Степан отлично понимал своего десятника: шестерка противопехотных минометов не бог весть какая сила конечно, но, при наличии определенной сноровки у obsługi, они вполне себе в состоянии доставить немало печальных моментов. Мины из каждого такого миномета выпускаются с интервалом от пятнадцати до шестидесяти секунд и, если местность тщательно пристреляна, если не поленились поставить вехи, то огонь из них будет не просто плотным, но и хирургически точным. Идея переправы через топь Осипа тоже не вдохновила. Дескать, рискованно и без наличия проверенного брода соваться туда чистейшей воды безрассудство. Нет – так нет. На том и порешили. Дождались, пока подспеют остальные и, выслушав всех поочередно, двинулись к общей стоянке, крайне удрученные результатами совместно проделанной работы. Больше всех недоволен был Степан: минометы почему-то упорно не шли у него из

головы. Чем-то они его цепляли, заставляли думать, прокручивать в памяти увиденное снова и снова. В конце концов плюнул, махнул на них рукой и сосредоточился на своей сверхзадаче: как заставить увязавшихся за ним девушек остаться в стороне от неминуемой бойни. И на этой ниве претерпев полнейшее фиаско, дальше уже просто шел вперед, бездумно передвигая ноги и даже не глядя по сторонам. Впрочем, и смотреть то особо было не на что. Лесной массив, который пересекала сейчас их группа, выглядел на редкость уныло. Деревья, все как на подбор крючковатые, с искривленными стволами, тянули свои кроны куда угодно, но только не к небу. Все они были одного и того же вида, ранее не виданного Степаном, однако это не делало их в его глазах более привлекательными.

Уже вечерело, когда десяток Осипа втянулся в овраг, и, подгоняемый голодом, резво затрусил вперед, следуя его прихотливым изгибам. Минуло еще с четверть часа, пока они, наконец, добрались к концу своего путешествия. Прибыли едва ли не последними – на вертелах уже жарились два матерых кабана, а воины, рассевшись как попало, всю угощались дымящимся грибным отваром из большого чана, который с углей снять никто не удосужился: толи надо так, толи просто по забывчивости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.